Елизавета Драйсбах
Сложный узел

Елизавета Драйсбах

Сложный узел

Повесть

Издательство «Христианин» СЦ ЕХБ
1998

Данная повесть представляет собой картину сложных взаимоотношений в семье. Здесь наряду с безграничной любовью и пониманием отчетливо вырисовываются мрачные штрихи неприязни, подозрительности и эгоизма. Автор описывает нелегкую долю матери, показывает, как она доверяла Богу в самые тяжелые дни, как искала в Нем отраду и утешение.

В повести хорошо показаны последствия серьезной ошибки, совершенной молодым человеком при выборе спутницы жизни.

События происходят, можно сказать, в начале века, но с какой точностью подчас повторяются они спустя семь десятилетий!

Автор не касается жизни церкви, но по всему видно, что она, будучи номинальной, не оказывала должного влияния на своих членов. И все же истинные христиане, благодаря личной связи с Господом, и в те времена сохраняли себя в любви Божьей.

Пусть жизненный пример героев данного произведения послужит для читателя и ободрением, и предостережением.

Елизавета Драйсбах
СЛОЖНЫЙ УЗЕЛ. Повесть
Перевод с немецкого М. Эпп

1998 Издательство «Христианин» СЦ ЕХБ
Отпечатано на пожертвования верующих
Распространяется безвозмездно
Продаже не подлежит

Глухо стукнув лопатой о сухую землю, могильщик распрямился и окинул взглядом длинный ряд свежих могил.

— Это последствия гриппа,— пробормотал он, поглаживая седую бороду.— Много их что-то в последнее время,— продолжал он разговаривать с собой.— Не успеваешь копать могилы. Столько цветущих молодых людей уходит из жизни! И почему Бог допускает это?

Уже двадцать лет могильщик работал среди этих холмиков. Здесь он стал философом, рассуждая о бренном мире и скоротечности жизни.

«Почему Бог допускает это?» Этот же вопрос волновал и четырнадцатилетнего мальчика, шедшего рядом с матерью по ухоженному кладбищу. В его голосе прозвучало грустное недовольство, когда он, подняв на мать ясные голубые глаза, спросил:

— Мама, почему Бог допускает такое?

Приятная женщина, ростом чуть выше своего сына, ответила не сразу.

— Фридрих, Иисус однажды сказал Своему ученику: «Что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после». В жизни есть много такого, чего мы не сможем понять до конца на этой земле. Только в вечности мы постигнем все пути Божьи. А здесь нам остается одно — в смирении подчиняться Его воле.

— Мама, это же так тяжело!

Фрау Хонек бросила испытующий взгляд на серьезное лицо сына. За последние дни он, казалось, повзрослел на несколько лет.

«О, как мне хочется, чтобы его детское счастье продлилось еще хоть немного!» — подумала она.

Они подошли к ряду свежих могил. Старый могильщик вежливо уступил им дорогу.

— Я только что закончил работу над ней,— сказал он, указывая на крайнюю могилу.

— Место покоя нашего папочки... — По бледным щекам фрау Хонек потекли слезы.

— Мамочка,— прошептал Фридрих, схватив ее за руку,— не плачь! Я же с тобой, я никогда не оставлю тебя!

— Да, слава Богу, что у меня еще есть ты!

Пятнадцать лет, хотя и трудных, но счастливых, прожила фрау Хонек со своим мужем. А вчера его опустили в могилу. В тот момент ей показалось, что с ним ушло все — и счастье, и радость, и надежда. Но, посмотрев на рыдающего рядом сына, она вспомнила об ответственности за него и, обняв, стала утешать. А сегодня он утешает ее...

Могильщик начал копать рядом новую могилу и, будто оправдываясь, сказал:

— Это для старой женщины...

— Мамочка, пойдем. Мы теперь должны крепко держаться друг друга,— сказал наконец Фридрих, и они пошли домой.

Вечером Фридрих стоял у окна в уютной гостиной и долго задумчиво смотрел на догорающий закат. Фрау Хонек сидела в небольшом эркере* с рукоделием.

— Вчера на похоронах я думал, что солнце уже никогда не взойдет,— нарушил молчание Фридрих,— так было печально, и дождь лил как из ведра. Но сегодня был такой прекрасный день!

Фрау Хонек с любовью взглянула на сына и промолчала. Она чувствовала, что он хочет еще что-то сказать. И действительно, он продолжал:

— В последние дни, и особенно вчера, мне казалось, что я уже никогда не смогу радоваться. Жизнь выглядела совершенно бессмысленной, и я был в таком отчаянии... А сегодня мне снова хочется жить и я мечтаю о будущем. Мама, как ты думаешь, я не огорчаю этим нашего папу?

Фридрих взял маленький стульчик и сел рядом с матерью.

---

* Эркер — полукруглый или многогранный выступ в стене, освещенный окнами и проходящий через несколько этажей.

Это было его излюбленное место. Фрау Хонек положила рукоделие на колени и погладила сына по мягким темно-русым волосам.

— Нет, Фридрих. Это право молодых и обязанность живущих. Я знаю, как сильно ты любил отца, но теперь почтить его память ты сможешь только тем, что станешь истинным христианином и пойдешь по его следам.

Фрау Хонек снова взялась за работу, а мысли ее унеслись в далекое прошлое. Как быстро пролетели годы! Ей казалось, что только вчера она, дочь учителя, вместе с пожилыми родителями приехала на курорт в Кольберг. Ее отец болел, и ему нужен был морской воздух. Они сняли две небольшие комнаты в уютном домике гостеприимной семьи Хонек. Ей тогда исполнилось двадцать лет. Она впервые увидела море и, очарованная красотой, подолгу стояла на берегу, не находя слов, чтобы выразить свой восторг. Тогда же она, Фрида, и познакомилась с молодым Эрнстом, единственным сыном семьи Хонек. В то время он как раз приехал домой с дипломом инженера-строителя. Через пять лет они поженились и домик на улице Фонтанной стал для Фриды родным.

Сколько радости было у молодых супругов, когда на втором году совместной жизни у них родился сын! Мальчика назвали Фридрихом. Счастью Хонеков, казалось, не было границ.

Эрнст хорошо зарабатывал, и они жили безбедно, пока не заболели родители. На их лечение ушло много средств. И все же лекарство не вернуло здоровье пожилым людям. Фрида с Эрнстом похоронили своих родителей.

Фридрих тоже несколько раз серьезно болел, но Бог являл милость, и мальчик выздоравливал. Упование на Бога и взаимная любовь, царившие в семье, давали Эрнсту и Фриде силу преодолевать все трудности и утешали в самые тяжелые дни.

Фридрих рос довольно своеобразным ребенком. В шесть лет он привел с улицы растрепанного мальчика, подвел его к матери и заявил:

— Это Рольф. Он будет моим братом!

Не обращая внимания на удивление матери, он открыл свой шкафчик с одеждой, достал комнатные тапочки, те, что потеплее, и подал мальчику:

— Слушай, Рольф, сапоги у нас снимают возле дверей. Вот твои тапочки. Пойдем в мою комнату, я покажу тебе кровать, где мы будем спать, конечно, не сейчас, а вечером.

Затем Фридрих подвел своего нового брата к комоду с игрушками и предложил ему поиграть, пока мама позовет на обед. Он достал самые лучшие игрушки — железную дорогу, плюшевого мишку, кубики, книги с картинками — и разложил их на полу.

В это время Эрнст пришел домой на обед и, услышав от жены о самостоятельном решении сына, предложил:

— Давай немного посмотрим на них.

Долго они стояли на кухне и с интересом наблюдали за играющими детьми.

Рольф был худеньким мальчиком, ростом чуть выше Фридриха, с черными волосами и беспокойными, постоянно бегающими, хитрыми глазами. Почувствовав на себе взгляд родителей Фридриха, он втянул голову в плечи и отвернулся. Через некоторое время Эрнст заметил, как Рольф украдкой пододвигает игрушки к себе и прячет в карман те, что подходят по величине. Увидев это, Фридрих спокойно сказал:

— Это наши общие игрушки, и ты не должен забирать их. Ты же теперь мой брат!

Рольф ничего не ответил, но, прищурив глаза, прикрыл карманы руками, давая понять, что ничего не собирается отдавать.

— Такое братство мне не нравится,— тихо сказал Эрнст жене.— Постарайся выпроводить его как можно быстрее.

Когда фрау Хонек стала объяснять сыну, что Рольф должен идти домой, что его ждет мама и, наверное, уже беспокоится о нем, он заплакал:

— Никто не любит его и никто не поможет ему стать хорошим!

— Я могу и у вас покушать,— бесцеремонно заявил Рольф.— Мама не будет ругать меня за это.

Мальчики сели за стол. Рольф ел с большим аппетитом, в то время как Фридрих, глотая слезы, с трудом съел свою порцию. Он не мог понять, почему родители не хотят принять в семью одинокого несчастного мальчика.

После обеда фрау Хонек узнала от соседки, что Рольф из

неблагополучной семьи и растет как сорняк на поле.

Фридрих уже видел сладкие сны, а его родители все еще сидели в гостиной и беседовали.

— Эрнст, я так переживаю за Фридриха! — вздохнула Фрида.— Как он будет жить с таким мягким сердцем? Ему нелегко будет в этом мире, где столько зла и греха.

— Ты не сможешь уберечь его от всех трудностей,— ответил Эрнст.— Вы, матери, хотели бы убрать все камни с пути ваших детей, но как они без этого станут зрелыми и мужественными? В общем, ты не переживай сильно. Он проявил себя в этом случае как добрый самарянин. Я думаю, Фрида, что он унаследовал это от тебя, ты тоже готова помогать всем людям! Если бы я не останавливал тебя, то наш дом уже давно стал бы гостиницей для обездоленных. Правда? — Он с любовью обнял ее и добавил: — Если бы ты не была такой, я бы не женился на тебе.

— И все же, Эрнст, меня часто охватывает тревога за нашего мальчика. Каким путем он пойдет, что ждет его впереди?

— Неужели ты не доверяешь Богу? Мы ведь каждый вечер молимся с Фридрихом, просим, чтобы Бог благословил и сохранил его.

— Ты прав, Эрнст,— согласилась она.— Спасибо, что напомнил мне об этом. Господь милостив...

Время шло. Фридрих оставался верным своему названому брату, хотя родителям это и не очень нравилось.

В семь лет Фридрих с одноклассниками, среди которых был и Рольф Шмутцер, пошел на берег моря посмотреть на рыбацкие лодки. В это время рыбаки вернулись с богатым уловом и были в хорошем настроении. Они весело разговаривали с мальчиками, рассказывали всякие истории.

Возвращаясь домой, Фридрих заметил, что Рольф что-то прячет под рубашкой.

— Что у тебя там? — спросил он.

Рольф засмеялся:

— Рыбы.

— Рыбы? Где ты их взял?

— Вытащил из лодки, когда Керстен отвернулся. Представляешь, никто даже не заметил этого!

Фридрих с ужасом посмотрел на друга:

— Это же воровство!

— Ха! — засмеялся Рольф.— Воровство! Ты думаешь, Керстен от этого обеднеет? Он много наловил, ему тоже хватит!

— Это же подло! — закричал Фридрих.— Сейчас же отнеси рыбу назад, или я с тобой больше не буду дружить, ты — вор!

— А ты — хороший? Еще братом называешься! — огрызнулся Рольф и отвернулся.— Ладно, мы больше не будем играть вместе. Но рыбу я отнесу матери. Отец опять пропил все деньги, и у нас совсем нечего есть, мы голодные...

Рольф сорвался с места и, словно ветер, помчался домой.

А у Фридриха будто открылись глаза: «Рольф ворует, потому что им нечего кушать! Отец все пропивает, а он заботится о матери. Что делать в таком случае? Презирать его или восхищаться им?» Фридриху трудно было ответить на эти вопросы. Он решил отдавать Рольфу булочку, которую мать давала ему в школу, и делал это в течение нескольких лет, хотя Рольф и не был его настоящим другом.

Однажды Фридрих пришел домой сильно взволнованный. Фрау Хонек пришлось выслушать потрясающее открытие.

— Мама, ты не представляешь, как у них грязно! Ни одна кровать не заправлена, везде все валяется. Мама Рольфа курит и плачет!.. — Фридрих перевел дыхание.— Мама, а потом она сказала Рольфу: «Он опять бегает с другой, и его совершенно не волнует, живы мы или нет». Я спросил Рольфа, кто это бегает с другой? И он мне рассказал, что у его отца есть женщины, с которыми он гуляет. Мама, правда, у нас папа не такой, он не дает нам голодать и у него нет никаких женщин?

— Мой мальчик, о чем ты говоришь?! — Фрау Хонек с ужасом прижала сына к себе.

Она так ничего ему и не сказала, а вечером, упав на плечо мужа, расплакалась:

— Эрнст, я не знаю, как быть. Как сохранить Фридриха от такой нечистоты?

Муж успокаивающе гладил ее волосы, но лицо его тоже выражало беспокойство.

— Конечно, можно запретить Фридриху дружить с Рольфом,— наконец ответил он.— Но мы все равно не сможем огра-

дить его от грязной информации. Ты не уследишь за ним. И все же мы должны сделать все, что от нас зависит. Прежде всего, Фридрих должен увидеть в нашем доме добрую, святую жизнь. Будем и дальше воспитывать его в страхе Божьем, а остальное доверим Господу. Только таким образом мы можем защитить его от дурного влияния.

На следующий день фрау Хонек пошла со своим девятилетним сыном на берег моря и рассказала ему о чуде рождения новой жизни. Фридрих смотрел на мать большими удивленными глазами. И когда она рассказала, что он, защищенный от всех бурь жизни, спокойно лежал у нее под сердцем, он вдруг обнял ее и сказал:

— Мамочка, как я люблю тебя!

Потом началась война. Хонекам пришлось трудно. И все же Эрнст был дома. Прекрасная гармония в их отношениях преображала сумрак тяжелых дней. Любовь к Богу и друг ко другу становилась глубже. Но счастье продлилось недолго. Через год после войны появился грипп — до сих пор неизвестная болезнь. Он, как таинственное жестокое чудовище, поражал многих людей. Едва ли остался в городе дом, которого не коснулась эта страшная болезнь. Жертвой гриппа стал и Эрнст Хонек.

Фриде показалось, что она слышит последние слова мужа: «Я иду домой, к моему Небесному Отцу, и там буду ждать вас». Он покинул их тихим вечером.

Слезы капнули на рукоделие.

Фридрих, видно, тоже думал об отце. Он крепче прижался к матери и прошептал:

— Мама, если мы будем исполнять волю Божью, то снова увидим папу, правда? Он же теперь на небе, с Иисусом...

— Да, я верю, что мы встретимся! — тихо произнесла фрау Хонек в утешение себе и сыну.

* * *

Потянулись унылые послевоенные годы. В некоторых областях Германии жизнь стала еще труднее, чем во время войны. Люди часами стояли в длинных очередях за хлебом, многие от

недоедания умирали прямо на улицах, особенно дети и старики.

После смерти мужа фрау Хонек сама стала зарабатывать на жизнь. Она сдавала комнаты в аренду приезжавшим на лечение, обучала девочек рукоделию и занималась всякими поделками.

В семнадцать лет Фридрих вынужден был устроиться на работу к владельцу крупного книжного магазина. Мечта матери — продолжить обучение сына — не сбылась: у них не было для этого средств.

И все же фрау Хонек не унывала. Она умела придавать серым будням праздничный вид.

Ожидая сына к обеду, фрау Хонек накрыла стол белой скатертью, поставила вазу с цветами.

— Мама, я так проголодался! Обед готов? — забежал на кухню Фридрих.

— Да, сынок, стол уже накрыт. Возьми, пожалуйста, картошку, а я принесу салат.— Но вдруг она остановила его: — Подожди, Фридрих, у тебя что, локоть проглядывает?

Фрау Хонек озабоченно посмотрела на протертый рукав.

Фридрих засмеялся:

— Не переживай, мама, новейшая мода предписывает безрукавки, так что ты просто выпори рукава, и все!

Но матери было не до смеха.

— Фридрих, как же нам купить тебе новый костюм? Ты действительно не можешь в таком виде ходить на работу. Ну ладно, пойдем кушать!

Фрау Хонек помолилась, и они сели за стол.

— Как вкусно! — похвалил Фридрих и, заметив беспокойство в ее глазах, добавил: — Мама, неужели ты серьезно переживаешь за костюм? Ты можешь залатать его, и все будет хорошо. Пока я хожу чистым, шеф ничего не скажет, хотя бы на костюме было четыреста латок. Нет, мамочка, ты не должна из-за этого расстраиваться! Сегодня и так много людей, которых инфляция довела до отчаяния. А у нас есть что покушать, и мы не испытываем острой нужды.

— Ты прав,— согласилась мать.— Мы живем на берегу моря, и у нас есть рыба. А самое главное — мы знаем живого Бога, и Он нас не оставляет...

На башне пробило два часа, и Фридрих поспешил на работу.

Фрау Хонек смотрела вслед сыну, пока он не скрылся за углом. Как и все матери, она часто думала о его будущем. Личные желания при этом уходили на задний план. Ведь счастье матери заключается в счастье ее ребенка!

После смерти отца Фридрих по-взрослому заботился о матери. В эти трудные годы он умел утешить и ободрить ее. Молодые люди его возраста часто были недовольны тем, что им приходится от многого отказываться, он же всегда был жизнерадостен и всем доволен.

И все же Фридрих, как и все, был подвержен искушениям. Рольф Шмутцер все еще жил с родителями в Кольберге. Его отец несколько лет назад исчез с одной женщиной, но после войны, как ни в чем не бывало, вернулся к своей жене. Повзрослевший Фридрих понял, что отец Рольфа был когда-то способным человеком, но распутная жизнь довела его до того, что он все растерял.

Фридрих все еще считал своей обязанностью заботиться о Рольфе. Но это становилось все труднее и труднее. Он с ужасом обнаружил, что Рольф с юности пошел по стопам отца.

Однажды Рольф сказал Фридриху, что может познакомить его с хорошей девушкой. И когда тот вопросительно посмотрел на него, Рольф вдруг цинично рассмеялся:

— Фридрих! Ты такой простофиля в этих вопросах!

Он хотел рассказать ему кое-что из своих похождений, но Фридрих гневно воскликнул:

— Ты наглец! Не понимаю, как я до сих пор мог называть тебя своим другом! Но теперь довольно! Ничего общего у нас не может быть!

— Ха! — скривился в улыбке Рольф.— Придет время, и ты будешь рад заключить дружбу со мной, добродетельный лицемер!

С тех пор Фридрих стал избегать Рольфа. И хотя ему порой было жалко его, он часто с содроганием спрашивал себя, как мог столько лет дружить с таким человеком?!

Фрида тревожилась за сына. Сможет ли он найти правильное направление среди всей неразберихи и лжеучений? Она старалась свято жить и во всем подавать ему добрый пример. Они

каждый день вместе молились, читали Библию и рассуждали о прочитанном, постоянно ходили в церковь. Фрау Хонек всем сердцем желала, чтобы ее сын стал искренним христианином.

Однажды в Кольберг приехал профессор богословия из Швейцарии. Он проводил беседы на тему: «Наука и христианство». Фридрих не пропускал ни одну из них и приходил домой радостный и воодушевленный. Он даже познакомился с профессором, когда тот приходил в их книжный магазин.

Похоже, профессору фон Тавелю понравился богобоязненный юноша, и он несколько раз приглашал его на прогулку. Это хорошо повлияло на Фридриха. Он увидел в профессоре истинного, твердого в вере христианина. Профессор умел по-детски радоваться прекрасному и очень серьезно и убедительно говорить о необходимости личной связи с Господом. Он рассказывал Фридриху о чудном водительстве Божьем в своей жизни, которое было бы просто невозможно без близкого общения со Христом.

Когда Фридрих неуверенно спросил, не дерзость ли это со стороны людей — переложить на Бога все свои проблемы и заботы, профессор улыбнулся и ответил:

— Да, мой друг, так было бы на самом деле, если бы не Иисус Христос. Через Него мы можем обращаться к Богу как к Отцу. Но сначала нам нужно обязательно пережить банкротство и увидеть свою зависимость от Него, потому что тот, в чьем сердце господствует «я», не может общаться с Богом. Приблизиться к Богу можно только через Иисуса Христа.

Беседы с профессором принесли Фридриху большую пользу. В нем созрело желание покаяться и принять Христа личным Спасителем.

Когда профессор уехал, Фридрих ходил к морю с матерью. Они много рассуждали о Боге, о жизни и безмерно радовались взаимопониманию и любви.

Однажды вечером они снова пошли к морю. От их дома до песчаных дюн было минут десять ходьбы.

Море лежало перед ними как некая сверхъестественная тайна — необъятное, величественное, скрывающее в своих глубинах бесценные сокровища. Сколько раз они стояли на берегу и, потеряв счет времени, наслаждались игрой волн! И каждый

раз это было новым, величественным, потрясающим зрелищем!

Невольно фрау Хонек вспомнила слова из 92 Псалма и восторженно процитировала:

— «Но паче шума вод многих, сильных волн морских, силен в вышних Господь».— Обратившись к Фридриху, она продолжила: — Что такое жизнь человека с ее радостями и скорбями по сравнению с могуществом и славой нашего великого Бога?

Фридрих оторвал задумчивый взгляд от пенящихся волн и повернулся к матери:

— Спасибо тебе, мама! Своей жизнью ты сделала для меня легким путь ко Христу. Я так благодарен Богу за это!..

У Фриды глаза наполнились слезами, а сердце — глубокой благодарностью. Она знала, что ее сын выбрал правильную дорогу в жизни.

Фридрих с детства проводил у моря все свободное время, как и другие дети их города. Он любил воду и плавал не хуже своих товарищей. С пяти лет он подружился с некоторыми старыми моряками. Пережившие не один шторм мужчины любили мальчика, который задавал им много всяких вопросов.

Как-то один моряк в присутствии Фридриха сказал, что Бог лучше всего виден в неописуемой красе моря. Фридрих тогда промолчал, задумчиво глядя в бесконечную даль. А в следующий раз, встретив своих старых друзей, он ошарашил их вопросом:

— Вы встретили в море любящего Бога?

Моряки удивленно переглянулись. Многие плавали уже долгие годы, бывали в разных странах, знали море и в хорошую погоду, и в бурю, некоторые пережили ужасные катастрофы, но встретить Бога далеко в море?.. Этот удивительный вопрос коснулся моряков больше, чем это можно было прочитать на их лицах. Самый пожилой из них кивнул головой и больше для себя, чем для Фридриха, сказал:

— Не раз и в шторм, и в штиль мы могли бы увидеть Бога, но, к сожалению, были слишком заняты. Теперь мы уже старые и хотели бы встретиться с Богом, наши усталые глаза частенько ищут Его, потому что совсем немного осталось нам странствовать по этой земле... Но мне кажется, что мы пропустили то благоприятное время...

Фридрих слушал молча. Он не все понял, что сказал этот старый человек, но подумал, что встреча с любящим Богом в море возможна, и по-детски попросил:

— Дедушка, ты не забудешь мне сказать, когда встретишься с Ним?

Тогда мужественный моряк обнял его, погладил по голове и сказал:

— Ах, дитя мое, невинное дитя!

Когда Фридрих подрос, его сильно заинтересовал рыбный промысел. Рыбаки обычно выезжали в море ночью и только утром возвращались с добычей. Сотни разных рыб лежали в катерах. Фридрих с великим удовольствием помогал рыбакам укладывать рыбу в бочки.

Позднее у Фридриха появилось непреодолимое желание хотя бы раз выйти с рыбаками в море. Фрау Хонек не хотела даже слушать об этом. Ей казалось очень рискованным отпускать подростка в такую опасную поездку. Но он так сильно просил, а старый рыбак Гильдебрандт так заверял, что будет смотреть за ним, как за своим сыном, что она согласилась.

В лучах заходящего солнца весельные катера отчалили от берега. Солнце, похожее на раскаленный огненный шар, медленно опускалось в море. Фрида стояла на берегу и смотрела вслед удаляющимся катерам. Это было великолепное зрелище. Судна становились все меньше и меньше, пока не превратились в точки, и вскоре совсем исчезли.

Фрау Хонек еще долго стояла на берегу и задумчиво смотрела вдаль. Ей вдруг показалось, что жизнь — это огромное море и что какая-то сила оторвала ее ребенка от материнского сердца и унесла в неведомые дали. Она почувствовала, как острая боль пронзила ее душу.

«О Боже! — стала молиться она. — Не допусти, чтобы мой ребенок отвернулся от меня...» Но тут же она улыбнулась, сознавая, что этот страх ничем не обоснован. Фридрих — и вдруг отвернется?

Фрида еще немного постояла и спокойно пошла домой.

Фридрих возвратился из ночной поездки весьма счастливый.

— Мама, мне так понравилось! Спасибо, что отпустила меня! — восторженно поблагодарил он.

* * *

Вечерело. Мать и сын сидели в гостиной. Мягкий свет лампы освещал их умиротворенные лица и располагал к сердечному общению. Фрау Хонек, как всегда, шила, а Фридрих читал книгу «Высказывания великих людей».

— Мама, послушай, что говорит Лютер! — воскликнул он.— «Бог виден и в маленьком листочке на дереве, и в добрых глазах человека, и еще скажу, что он особенно виден в величественной красоте моря». Знаешь, об этом говорил и профессор фон Тавель, когда мы гуляли с ним по берегу. Я сегодня в обед ходил на море. Оно просто потрясающе! Мне кажется, оно не станет обыденным, даже если смотреть на него сто лет!

— Да, меня тоже пленяет красота Божьего создания,— ответила фрау Хонек.— Но люди, как ни странно, не могут в такой красоте рассмотреть Творца.

— Кстати, на берегу мне встретился старый Гильдебрандт. Он сказал, что ожидается шторм. Ой, что это? — Фридрих вскочил и открыл окно.

— Звон колоколов? — удивилась мать.— Сынок, этот звон возвещает о шторме!

Они прислушались. Вдруг к колокольному звону присоединился протяжный звук сирены.

— Это сигнал с маяка. Какой-то пароход в беде. Слышишь выстрелы на берегу? Мама, я пойду, может, смогу чем-то помочь!

— Я пойду с тобой,— сказала мать, торопливо надевая старое болоньевое пальто.

Легкий осенний ветерок быстро перешел в сильный шторм. Море пенилось и кипело. Свистя и завывая, буря поднимала облака пыли и мусора, пригибала чуть ли не до земли деревья, катила мелкие камешки. Притихшие улицы Кольберга вновь ожили. Люди спешили на берег под печальный и заунывный звон колокола.

Взволнованные жители засыпали моряков и рыбаков вопросами, но у спасателей не было времени отвечать. Они поспешно подтаскивали к лодкам разные спасательные приспособления. Высокие волны с грохотом разбивались о берег. Старый

Гильдебрандт спокойно и уверенно давал команды. Вдруг люди на берегу испуганно вскрикнули — далеко в море взметнулся в небо сноп пламени.

Когда отчалила первая спасательная лодка, в море еще раз вспыхнуло пламя. Горел пароход...

Старый Гильдебрандт приготовил и свою лодку. Увидев это, Фридрих подошел к нему:

— Дедушка, возьмите меня с собой!

Старик кивнул. Он знал, что этот юноша не будет мешать ему. Фрида в первое мгновение хотела удержать сына, но потом передумала. Нет, она не имеет на это права. Он молод и силен помочь, а ей со своим страхом и переживанием нужно отступить.

— Иди с Богом, мой мальчик! — мужественно сказала она и быстро поцеловала его в лоб.

Разыгравшийся шторм вздымал огромные волны, которые, наваливаясь друг на друга, с грохотом разбивались о прибрежные камни. Напрасно сирена маяка старалась пересилить этот рев. Женщины не отрывали испуганного взгляда от моря, дети плакали, а оставшиеся мужчины стояли группами в тревожном ожидании. Выдержит ли судно, пока спасательные лодки достигнут его?

В небо снова взметнулся огненный столб. Мучительное беспокойство охватило стоящих на берегу. Казалось, они готовы были руками вытащить горящее судно.

Среди собравшихся стоял и старый пастор. Голова его была непокрыта, и ветер беспорядочно теребил белые волосы. Увидев столб огня в море, он призвал людей к молитве. Многие женщины опустились на колени, мужчины сняли шапки.

Фрау Хонек не переставала молиться. Ее губы не двигались, но сердце кричало к Богу. Она страдала с теми, которые были в беде и, может, уже стояли на пороге вечности. Наверняка там были чьи-то сыновья.

«Господи, помилуй их!» — взывала она, пытаясь что-то разглядеть в темноте. Как долго не возвращаются спасательные лодки!

Фрау Хонек не отрывала глаз от бушующих волн и каждый новый порыв ветра больно ранил ее материнское сердце.

«Господи, возврати мне мое дитя!» — умоляла она.

И снова стоящие на берегу громко вскрикнули: показались спасательные лодки — одна, за ней — вторая, а потом и третья.

Когда первых потерпевших перенесли на землю, горящий пароход пошел ко дну. Огонь потух.

Смелых моряков встретили приветственными криками. Они подвергли опасности свою жизнь ради спасения других. От капитана до кочегара — все были спасены. Промокшие до ниточки, они нуждались в помощи и тепле. Многие лежали без сознания. Плач, стоны и всхлипывания перемешались с воем разъяренного моря.

Фрида со слезами радости обняла сына. Слава Богу, Фридрих жив и невредим! Как и все, он был сильно потрясен.

— Мама, давай тоже возьмем кого-нибудь к себе,— предложил он.— Смотри, вон та женщина, наверное, сильно больна.

Женщина средних лет лежала на песке без сознания. На коленях возле нее стояла девочка и гладила ее смертельно-бледное лицо. Крупные слезы бежали по ее щекам.

— Это твоя мама? — подошла к ним фрау Хонек.

Девочка кивнула. В это время принесли какое-то лекарство и стали раздавать обессилевшим. Фридрих подал и этой женщине. После долгих усилий им удалось привести ее в чувство. Полными страха глазами она посмотрела вокруг себя и, узнав дочь, в отчаянии прошептала:

— Ева, теперь все кончено!

Женщине влили в рот немного вина. Скоро она смогла подняться. Фрида обняла ее и сказала:

— Пойдемте к нам, вам нужен покой. Не отчаивайтесь, все будет хорошо. Пойдем, дитя мое,— обратилась она к девочке.— Держись за меня, а Фридрих будет поддерживать твою маму.

Шли они очень медленно. Казалось, обессиленная женщина не дойдет. Девочка, дрожа от страха, пыталась ободрить ее:

— Мамочка, потерпи еще немножко, скоро мы придем!

А больная повторяла одно и то же:

— Все потеряно, все потеряно!

Наконец они пришли к Хонекам. Фридрих сразу же отправился на кухню приготовить ужин, а мать в это время переодела женщину с девочкой и заботливо уложила в постель. Когда

Фридрих пришел и сказал, что чай готов, они обе уже крепко спали.

– Слава Господу! – прошептала мать.– Пусть отдыхают. Сон – тоже подарок Божий.

Долго еще фрау Хонек и Фридрих вспоминали подробности прошедшего вечера. Потрясенные тем, что видели, они совсем не хотели спать.

– Сегодня я по-настоящему оценил свет маяка,– сказал Фридрих.– Сколько раз я проходил мимо этой старой башни и никогда не думал, какую пользу она может приносить!

Знаешь, среди бушующих волн свет маяка – это свет с родины. Нам было очень трудно – лодка переполнена, люди в панике. Мы гребли с одним желанием – скорей пристать к берегу. Я думал тогда, что в бушующем море жизни у нас тоже есть верный маяк. И это тоже свет с родины. Мне так приятно оттого, что я могу видеть этот свет!

Фридрих замолчал. А мать тихо прошептала:

– Видеть Бога в бушующем море жизни и доверять Ему – это спасенье, это – чудо!

* * *

Облокотившись на подоконник, Ева вспоминала случившееся. За окном стояла золотая осень. Природа отдыхала после бури. Акация переливалась яркими красками в лучах восходящего солнца. Но девочка не замечала окружающей красоты. В ее сердце все еще бушевал шторм, душили слезы. Да, мама права, они потеряли все...

Ева на цыпочках подошла к кровати, где спала мать. Сколько страдания отражалось на ее лице! Смертельно-бледная, с темными кругами под глазами и глубокими складками на лбу и у рта, она была олицетворением скорби. Да, мама нуждалась в покое после всех тревог и лишений, и особенно после этой ужасной ночи.

Нагнувшись над спящей, Ева вдруг почувствовала острую боль – как будто чья-то невидимая рука схватила ее за сердце. Сознание пронзила мысль, что мама больше не встанет. Ева

с трудом подавила рыдание. Что будет с ней в этом чужом городе у совершенно незнакомых людей?

«Мамочка! — Ева нежно прикоснулась к бледной руке матери и уже не могла удержать горячих слез.— Милая мамочка, ты не должна оставлять меня!..»

Фрау Хонек зашла в комнату, когда Ева, немного успокоившись, задумчиво смотрела в окно.

— Ты уже встала? Я хотела, чтобы вы подольше поспали и хорошо отдохнули после всего пережитого. Пусть мама еще поспит. Пойдем со мной на кухню!

Она с любовью взяла девочку за руку и подвела к накрытому столу.

— Ты не огорчаешься, что я не называю тебя на «вы», хотя ты уже достаточно взрослая? Когда я увидела тебя ночью, мне захотелось прижать тебя к себе, как ребенка, и я не могла иначе обратиться к тебе.

Ева улыбнулась:

— Благодарю вас за любовь! И прошу, обращайтесь ко мне на «ты», ведь мне всего шестнадцать лет!

— И зовут тебя Евой, да? Я слышала, как мама называла тебя по имени.

— Да, Ева Мария Зееборг.

Фрау Хонек намазала булочку маслом, налила горячего какао и заботливо подала Еве.

— Садись кушай. Мы с Фридрихом уже поели, и он ушел на работу.

— Молодой человек, который привел нас сюда,— это ваш сын? — спросила Ева.

— Да, это мой Фридрих.

— Он такой смелый! Когда мама потеряла сознание на горящем пароходе, я не знала, что делать. А он взобрался на палубу и перенес маму в лодку. Это было так опасно и стоило ему больших усилий...

Фрау Хонек смотрела на юную гостью с интересом. Ева Зееборг была красивой девушкой. Пышные светлые волосы придавали нежность ее благородному личику. Ясные, широко открытые синие глаза говорили о чистой юности. Фрау Хонек смотрела на ее руки и спрашивала себя: в какой среде выросла эта

девочка? Видно было, что она не занималась тяжелой работой.

Ева словно угадала мысли хозяйки дома.

— Вы, наверное, хотите знать, кто мы и откуда?

— Конечно,— улыбнулась фрау Хонек.— Только сейчас не надо ничего рассказывать. Я подожду, пока твоя мама хорошо отдохнет и сможет рассказать мне, что посчитает нужным. Теперь вы — наши друзья, и мы готовы послужить вам.

— Знаете, у меня такое чувство, будто мы родные,— смущенно призналась Ева.— Мне так хочется рассказать вам все-все!

Яркий румянец заиграл на ее щеках и грусть снова появилась в глазах, когда она стала рассказывать:

— Мы жили в Щецине. До войны папа работал ректором консерватории. Музыка была его жизнью. Я никогда не забуду тех вечеров, когда мы вместе с ним играли и пели. А потом его забрали на войну, и через восемь дней он погиб во Франции.

Ева замолчала. Воспоминания нахлынули на нее, и выражение глубокой скорби застыло на ее лице. Фрау Хонек молчала, но ее чуткое материнское сердце сопереживало этой совсем юной девушке и той женщине, что лежала в соседней комнате.

— Мама еле пережила эту потерю,— печально продолжала Ева.— Она совсем разучилась петь и смеяться. Ее чудесный голос, казалось, умолк навсегда. Знаете, я больше никогда не слышала ее пения. Она с трудом исполняла свои домашние обязанности. Мы, глядя на нее, тоже разучились и радоваться, и играть...

Мы очень любили папу. После его смерти нам пришлось поменять большую красивую квартиру на очень простую и научиться экономно жить. Мы были готовы сделать все, чтобы снова увидеть нашу маму радостной, но она становилась все печальнее и печальнее.

— Разве она не находила утешения в Боге? — спросила фрау Хонек, потрясенная рассказом девушки.

Ева покраснела и опустила голову.

— После смерти папы мама больше никогда не молилась,— дрожащим голосом ответила она.— Ее сердце было исполнено горечи и отчаяния. Она стала отвергать Бога.

Фрида обняла Еву, поняв, что растревожила глубокую рану:

— Милая, я не хотела причинить тебе боль.

Ева прижалась к фрау Хонек и сквозь слезы произнесла:

— Это было так тяжело, так тяжело!

Мягкие материнские руки нежно гладили голову плачущей девушки и прижимали ее к сердцу, пока она не успокоилась. В этот момент фрау Хонек поняла, что Сам Бог послал в ее дом этих несчастных, потерпевших кораблекрушение.

— Нас трое у мамы,— продолжала Ева.— Курт, мой старший брат, мечтал выучиться на врача, но средств на это не хватало. Теперь он уже два года работает на фабрике и собирает деньги на учебу.

— А третий кто у вас — брат или сестра?

— Сестра, Лиза. Она уже два года замужем, живет в Данциге. У них недавно родился сын. Мы как раз ехали к ним. Я очень радовалась, что мама ожила, услышав о рождении внука, и надеялась, что путешествие и перемена обстоятельств пойдут ей на пользу. А тут произошла эта ужасная катастрофа... Никогда в жизни не забуду эту страшную ночь. Как испугается Лиза, когда услышит это сообщение! Она, наверное, подумает, что мы погибли...

Послышался легкий шум.

— Мама проснулась! — подскочила Ева и побежала в спальню.

Фрау Хонек пошла следом.

Больная протянула бледные руки навстречу хозяйке дома.

— Чем я смогу отблагодарить вас за то, что вы приняли нас с такой любовью?

— Мы обязаны помогать друг другу,— ответила Фрида.— Вместе легче переносить горе. Нас оно тоже не обошло...

На фрау Зееборг снова нахлынуло уныние, и она в отчаянье прошептала:

— О, лучше бы нас не спасли!.. Сейчас мы покоились бы на дне моря...

— Мамочка! — воскликнула Ева.— Не говори так! Ты должна жить для нас. Мы все нуждаемся в тебе — и я, и Курт, и Лиза с Гарри и малышом.

Фрау Хонек принесла на подносе завтрак, но фрау Зееборг отказалась от еды, отпив лишь несколько глотков травяного чаю.

Прошло восемь дней. Ева не отходила от матери. Фрау Хонек тоже подолгу сидела у постели больной и видела, что дни ее сочтены.

Самым большим желанием Фриды было помочь душе, стоящей на пороге вечности, возвратиться к Богу. Но это было тяжелой задачей.

— Где Бог любви? — спрашивала фрау Зееборг.— Я верила в Него, вместе с мужем и детьми молилась Ему. Почему же Он разбил наше счастье? Почему Он поверг нас в безнадежную пропасть страданий? Нет, никакого Бога нет!

Фрида смотрела на нее с большой скорбью, сознавая свое бессилие помочь. Сама она через страдания больше приблизилась к Богу, в Нем нашла утешение, силу и надежду. А эта женщина безумно отталкивает единственную помощь и отраду в беде. Фрида молилась и просила у Бога мудрости, что сказать ей.

— Фрау Зееборг, я понимаю вас, но подумайте, что страдаете не только вы. Бог допустил эти трудности не зря. Мы стали слишком самостоятельными, мы хотим обойтись без Него. Только из любви к нам Бог посылает столько страданий. Мы ведь тоже наказываем своих детей, когда они поступают плохо!

Шаг за шагом фрау Хонек пыталась помочь разочарованной душе вновь повернуться к Богу.

— Бог явил вам милость, и вы не погибли на горящем пароходе. Как Он любит вас!

Фрау Зееборг испытующе посмотрела на хозяйку дома. Каких удивительных людей встретила она здесь! Они жили не в роскоши, но с какой радостью делились с чужими людьми тем, что имели! С какой жертвенной любовью фрау Хонек ухаживала за ней!

«Эта женщина тоже вдова, но как велика ее вера и любовь к Богу! Как она надеется на встречу со своим мужем! Ах, если бы и я могла верить, как она!» — думала фрау Зееборг, закрыв глаза.

Спустя несколько дней, по немногим рассуждениям больной, фрау Хонек поняла, что она стала думать о Боге и вечности. Какая радость! Фрау Хонек не переставала благодарить Господа за услышанные молитвы.

— Я уже никогда не встану,— печально сказала однажды фрау Зееборг.— Не знаю, что будет с моими детьми... Особенно я переживаю за Еву, она еще так молода...

Той ночью фрау Хонек не могла спать. Ее волновали слова больной. Не дожидаясь утра, она пошла в комнату сына.

— Фридрих, мне нужно поговорить с тобой,— разбудила она его.— По всему видно, что фрау Зееборг скоро умрет. Забота о дочери тяжелым бременем лежит на ней. Как ты думаешь, можем мы оставить Еву у себя? Я готова быть для нее матерью.

— А я охотно буду ее братом,— отозвался Фридрих.— Мама, если твое сердце расположено к ней, оставляй. Я во всем согласен с тобой.

Мать поцеловала сына.

— Я знала, что ты поймешь меня.

— Всегда, мама,— счастливо улыбнулся он и повернулся на другой бок.

Стараясь не скрипеть половицами, фрау Хонек тут же пошла к больной. Женщина лежала с открытыми глазами — забота о будущем дочери не давала ей спать.

— Я хочу, чтобы Ева осталась у нас,— наклонилась над ней Фрида.— Мы с сыном готовы принять ее. Как вы смотрите на это?

Щеки фрау Зееборг покрылись ярким румянцем, дыхание стало прерывистым.

— Вы хотите... Вы хотите... — Голос ее сорвался, по впалым щекам побежали слезы.— Боже мой, помилуй меня! Прости, что я отвернулась от Тебя и пренебрегла Тобой! Господи, прими меня! Я не достойна всех Твоих милостей...

После долгих лет молчания душа вновь заговорила с Богом. Фрау Зееборг рыдала, вспоминая свою неверность, и благодарила Бога, что Он не оставил ее.

На следующий день приехали дети, вызванные телеграммой. Несмотря на ненастную осеннюю погоду, Лиза и Гарри привезли своего первенца, чтобы мать могла еще увидеть внука.

В глубоком горе собрались дети у постели больной. Тень смерти все ниже и ниже опускалась над ней. Вдруг фрау Зееборг чуть слышно попросила:

— Спойте папину песню. Папину вечернюю песню.

Со дня смерти отца прошло восемь лет. С тех пор они ни разу не пели и не играли вместе. Папина песня? Курт сел за пианино. Сначала робко, а затем уверенно и спокойно зазвучала нежная, задушевная музыка.

Да, это была папина вечерняя песня. Когда-то они вечерами часто играли и пели. В конце отец обычно говорил: «А теперь споем еще песню о родине». И они дружно пели:

Где сыщет здесь в мире душа кров родной?
Кто даст ей здесь мирный приют и покой?
Не может сулить этот мир у себя
Приюта, где зло не коснется тебя.
Нет, нет, нет, нет! Он нам чужой;
Лишь в мире небесном есть полный покой.

Курт играл умирающей матери песню о небесной родине. Ева взяла скрипку Фридриха. Звуки слились в чудесную гармонию. Для фрау Зееборг это был прощальный подарок детей. Когда они играли, Лиза услышала ее последние слова:

— Лишь в мире небесном есть полный покой.

Похороны были скромные. Фрау Зееборг проводили в последний путь. Ее отъезжающим детям фрау Хонек сказала:

— Если вам когда-нибудь захочется побыть на могиле матери, то не забудьте, что двери нашего дома всегда открыты для вас.

— Нас часто будет тянуть к вам,— ответила Лиза,— потому что здесь наша любимая мамочка нашла дорогу в небо, дорогу домой, к Небесному Отцу...

* * *

Ева осталась у фрау Хонек. Здесь она в прямом смысле слова обрела земную родину, стала полноправным членом семьи. Стеснительная по природе, она трудно сходилась с людьми, но любовь и приветливость фрау Хонек быстро нашли путь к ее сердцу. И все же самым ценным было то, что здесь ее мать, многие годы блуждавшая без Бога, вновь нашла мир и покой. Здесь она успокоилась от всех разочарований жизни.

Прошло совсем немного времени, и Ева привыкла к новым обстоятельствам. Она стала хорошей помощницей фрау Хонек, которую называла тетей.

— Какое счастье, что ты попала в наш дом! — часто говорила фрау Хонек.— Я чувствую, что уже старею и не могу одна справляться со всей работой.

— Тетя, я думаю, что ты говоришь это только для того, чтобы я не переживала, что обременяю вас. О старости тебе еще так рано говорить!

— Кто тут утверждает, что он старый? — спросил Фридрих, только что вошедший в комнату.— Ты, мама? Я сейчас принесу лупу и поищу у тебя седину и морщины. Ах, мама, не смеши, пожалуйста! До полста тебе не хватает нескольких лет. Если ты проживешь еще столько же, тогда мы поверим, что ты действительно старая.

— По всему видно, что сегодняшняя молодежь совсем не уважает старших,— возразила фрау Хонек с деланным возмущением.— В свое время я боялась разговаривать со своими родителями в таком тоне. Да, я вижу, что недостаточно строго воспитала тебя!

Фридрих, который был уже на голову выше матери, крепко обнял ее и сказал:

— Успокойся, мамочка! Мы живем совсем в другое время. Сейчас молодые тоже имеют право на слово.

В домике на Фонтанной царила взаимная любовь, мир и согласие, и Ева снова стала радоваться жизни. Между ней и Фридрихом установились теплые дружественные отношения, как между братом и сестрой. Они часто играли — Фридрих садился за пианино, а Ева брала скрипку. При этом глаза ее загорались какой-то особенной радостью, бледные щеки покрывались румянцем.

Фрау Хонек с удовольствием слушала музыку, а потом они читали или просто разговаривали.

Как-то раз, закончив книгу о жизни миссионеров, Ева сказала:

— Удивительно, почти никто не обходится без страданий! Наверное, без них не может быть полноценного счастья.

Фрау Хонек подошла к окну и принялась очищать от пожелтевших листьев цветы в вазонах.

— Если бы эти цветы всегда стояли на солнце, они совсем бы высохли и погибли,— заметила она.— Им нужна вода и немного тени. Лучше всего они растут на улице, где бывает разная погода. Точно так и мы нуждаемся не только в солнце, но и в бурях. Именно в бурях и ненастье мы крепнем в вере.

А полноценное счастье, о котором ты говоришь, Ева, мы испытаем только на небе, где уже не будет страданий. Наша душа вечна, и она никогда не сможет удовлетвориться временными, земными ценностями.

Так понимали в этом доме смысл жизни. Поэтому они могли радоваться и утешаться Богом в самое трудное время.

Курт Зееборг иногда приезжал в Кольберг повидаться с Евой. Жизнерадостный и общительный, он быстро подружился с Фридрихом. Они были ровесниками и хорошо понимали друг друга.

Курт пошел учиться на врача и за успеваемость получал хорошую стипендию. Ева была очень рада за своего брата. К тому же она уже несколько раз ездила в Данциг к Лизе с Гарри. Она радовалась их счастливой семейной жизни, но каждый раз охотно возвращалась домой. В Кольберг ее тянуло, как в родной дом.

Фридрих хорошо освоил свою профессию, и шеф, уважая его за скромность и честность, многое доверял ему. Однажды Фридрих сообщил матери, что шеф попросил его поехать с ним в Лейпциг на книжную ярмарку. Фрау Хонек была довольна, что ее сыну оказали такое доверие, и заботливо упаковала чемодан.

До сих пор у Фридриха не было возможности куда-то поехать, и он рад был такому событию. Мать с Евой проводили его на вокзал.

— Привези нам что-нибудь хорошее с лейпцигской ярмарки! — попросила Ева при расставании.

На третий день Фридрих прислал письмо. Он так живо описывал все события, что обитателям домика на Фонтанной казалось, будто они сами ходят по громадным выставочным залам.

Две недели пролетели очень быстро. Почти накануне приезда Фридриха фрау Хонек получила еще одно письмо.

— От Фридриха? — спросила Ева.— Когда он приезжает?

— Сейчас прочитаю,— ответила фрау Хонек.

Она никогда ничего не скрывала от Евы. Письма от Фридриха читали вслух.

«Лейпциг, 07. 05. 27.

Милая мамочка и сестренка Ева!

Дни моего пребывания в Лейпциге подходят к концу. Мне очень понравилось здесь. И все же я рад, что скоро увижу вас. Как все-таки много значит родной уголок!

Как вы знаете, я живу с шефом у его знакомых. Господин Шнайдер, отец этой семьи, заведует большой меховой фабрикой. Они очень хорошо приняли меня, и я тоже хотел бы послужить им.

У господина Шнайдера три дочери. Младшая — чуть старше Евы — не блещет здоровьем и нуждается в хорошем отдыхе. Вы не будете против, если я привезу ее с собой? Найдется ли у нас место для нее? Мамочка, будь добра, напиши свое мнение!

Надеюсь, что у вас все хорошо. До свидания.

Ваш Фридрих».

Фрау Хонек свернула письмо и положила его в конверт.

Ева была в восторге.

— Тетя, напиши, пусть она приезжает! Чудесно, теперь у меня будет подруга! Конечно, здесь она обязательно поправится!

Фрау Хонек ответила не сразу. Некоторое время она задумчиво смотрела перед собой, затем сказала:

— Да, я сейчас напишу. Конечно, он может привезти девушку с собой. Только где она будет спать? Все комнаты заняты. Разве только в эркере. Правда, там тесновато...

— Если что, она может спать и на моей кровати,— сказала Ева, готовая уступить гостье лучшее.— А я с удовольствием лягу на кушетке.

— Нет-нет! — запротестовала фрау Хонек.— Разве мы не найдем для нее места?!

И снова они вдвоем стояли на вокзале. Неужели Фридриха не было всего две недели? Матери казалось, что прошло очень много времени.

Поезд замедлил ход, и в одном из окон фрау Хонек увидела радостное лицо сына. Он махнул ей букетом роз, а через несколько минут уже обнимал ее. Ева, улыбаясь, стояла рядом.

— А, ты тоже здесь, моя маленькая сестренка! — крепко пожал он ей руку.

Фрау Хонек, сияя от счастья, рассматривала сына, будто не видела его несколько лет. Серый костюм очень шел ему. Невольно она вспомнила то время, когда ей казалось невозможным купить ему новый костюм и он готов был носить четыреста заплаток.

Фридрих представил матери с Евой богато одетую девушку, стоящую рядом.

— Знакомьтесь, Лиля Шнайдер.

Фрау Хонек приветливо поздоровалась с гостьей. Было это на самом деле или ей показалось, что Лиля как-то с холодком и сдержанно поздоровалась с Евой? Фрау Хонек постаралась убедить себя, что это не так. Но позднее она поняла, что не ошиблась.

У Лили было много вещей, видно, она приехала надолго. Поручив носильщику свои чемоданы и сумки, они отправились домой.

— Интересно! — удивленно воскликнула Лиля.— Здесь даже трамвая нет! Никогда не думала, что Кольберг — такое захолустье!

— Это тебе так кажется. Кольберг — излюбленный курорт многих людей. Его нельзя назвать захолустьем,— защищал Фридрих родной городок.

— Иногда и захолустье может стать приятным и дорогим,— тут же заметила Лиля, бросив на Фридриха иронический взгляд.

Лиля была энергичной, громко и непринужденно разговаривала и смеялась. Одета она была по последней моде, в руках небрежно держала элегантный пиджак, отделанный дорогим мехом.

— Мама, ты почему такая молчаливая? — повернулся наконец Фридрих к матери.— Или мне так кажется? Может, тебе нездоровится? Ева, ты хорошо ухаживала за мамой, пока меня не было?

Ева с тревогой посмотрела в глаза приемной матери. Ей тоже она показалась слишком молчаливой.

— Тетя, ты чем-то опечалена? — чуть слышно спросила она.

Фрау Хонек постаралась взять себя в руки и улыбнулась. Никто не должен заметить, какая тяжесть легла ей на сердце. Она еще сама не могла понять, что это. Но... материнское сердце — это что-то невыразимо чуткое.

Лиля очень быстро освоилась в семье Хонек и целыми днями щебетала, как веселая птичка. Она всем восхищалась: и своей комнатой, и цветами перед домом, и поварским искусством фрау Хонек. Жизнь в доме забила ключом. У молодой горожанки бывали порой забавные выдумки. То она повязывала большой фартук и приходила помогать на кухне, где выглядела такой беспомощной, что даже фрау Хонек, которая сейчас почти всегда была серьезной, громко смеялась. То бралась подметать двор, от чего пыли было достаточно и в доме.

Когда Лиля первый раз пришла на берег и увидела перед собой бесконечную гладь моря, она испуганно отвернулась:

— Фу, как жутко!

Ей больше всего нравилось гулять возле санатория в парке, где играл оркестр. Изящно одетая, она прохаживалась по аллее и наслаждалась музыкой. Фридрих сопровождал Лилю, стараясь уделять ей больше внимания, и общался с ней, пока мама с Евой управлялись по дому.

Как-то вечером Фридрих с Евой после долгого перерыва вместе поиграли, потом фрау Хонек прочитала главу из Библии, они помолились и пошли отдыхать. Фрау Хонек устала, но ей сильно хотелось еще немного посидеть и вспомнить прожитый день. На комоде стояла шкатулка с письмами мужа. Она стала пересматривать их. Сколько приветливых, полных любви слов! Какая все-таки у них была прекрасная жизнь! Жаль, что он так рано ушел от нее! Так размышляя, она услышала шаги на лестнице.

В комнату заглянул Фридрих:

— Мама, ты еще не спишь? Я увидел свет в твоей комнате. Можно мне немного побыть с тобой?

— А почему ты не спишь? Уже скоро полночь...

Фридрих сел на диван рядом с матерью и огляделся.

— Как уютно у тебя! Ты снова читаешь папины письма? Да, сколько лет уже прошло...

Фрау Хонек хорошо знала, что это только вступление. Самое

главное — впереди. Фридрих пришел не просто так. И ей недолго пришлось ждать.

— Мама, я пришел к тебе ночью, потому что ты целый день сильно занята и почти не бываешь одна. То, что я хочу сказать, касается только нас двоих. Я люблю Лилю Шнайдер. Я полюбил ее еще в Лейпциге, но хотел, чтобы ты познакомилась с ней, прежде чем говорить ей о моей любви. Да мы и привыкли с тобой советоваться и решать все вопросы вместе. Мама, можно мне представить тебе Лилю как дочь?

Фрау Хонек невольно вздохнула. Итак, это все же случилось! Фридрих выжидающе смотрел ей в глаза. Она была рада его доверию и все же не могла иначе, как открыто сказать ему все, что накопилось в ее материнском сердце. Она побледнела от волнения, чувствуя, что этот ответственный момент может быть в их жизни решающим. Ее сердце трепетало, но она взяла себя в руки и как можно спокойнее ответила:

— Фридрих, для меня это не неожиданность. Тебе уже двадцать три года, ты достаточно взрослый, чтобы подумать о создании семьи. И все же твой вопрос привел меня в страх.

После смерти отца ты всегда был рядом со мной, в нужде ты преждевременно повзрослел и всегда отличался ясным пониманием окружающего. Я ждала, что когда-нибудь ты приведешь мне дочь, и надеялась, что смогу открыть ей свое сердце. Фридрих, уверен ли ты, что твой выбор правильный? — Фрау Хонек замолчала.

Как тяжело было ей объяснить родному сыну, которого она любила больше всего и который полностью доверял ей, что она чувствовала! Фридрих не прерывал ее, но совершенно не понимал, почему она не дает согласия.

— Я люблю Лилю,— повторил он.— Что ты имеешь против нее? Разве она плохая? Да, она молодая и еще многому должна научиться...

Фрау Хонек видела по лицу сына, что он действительно любит Лилю. Ей было невыразимо тяжело, но и согласиться с ним она не могла. Ведь речь шла о счастье ее единственного ребенка! Она не могла молчать. Ее глаза наполнились слезами.

— Фридрих, сознаешь ли ты, что тебе придется всю жизнь быть рядом с ней? Можешь ли ты представить себе Лилю пре-

данной, верной помощницей в дни несчастья? Мы привыкли довольствоваться самым необходимым, а Лиля предъявляет к жизни другие требования.— Мать обхватила руки сына, ее сердце трепетало от страха за него.— Мой мальчик, не причиняй мне горе!

Фридрих побледнел. Он совершенно не рассчитывал на такое сопротивление. Думая о Лиле, он видел перед собой веселую смеющуюся девушку и не мог от нее отказаться.

— Мама, я люблю ее!

Фрау Хонек казалось, что она стоит со своим сыном у глубокой пропасти. У нее кружится голова, но не ее ли обязанность сохранить от падения единственное дитя, доверенное ей Богом? Не одна мать простирала в такие мгновения руки, чтобы уберечь дитя от несчастья, но должна была признать, что это бесполезно...

Фрау Хонек считала, что Фридриха можно переубедить. Она говорила ему о своих наблюдениях, о легкомысленности Лили, ее изменчивом настроении, неспособности вести хозяйство, но все было напрасно. Фридрих считал, что всему этому можно научиться. И тогда фрау Хонек прибегнула к последнему и самому главному:

— Фридрих, ты советовался об этом с Богом? Я больше не хочу отговаривать тебя, но пообещай мне, что ты получишь ясность в этом вопросе перед Богом. Я не хочу быть несправедливой к Лиле, но мое сердце трепещет при мысли о том, что ты всю жизнь будешь несчастен. Не сомневаюсь, что у Лили есть хорошие наклонности, но она неверующая! Я напрасно ищу доказательств, что она тянется к Богу.

Это, может, звучит очень жестко, но я вспоминаю стихотворение, в котором говорится о человеке, который нашел себе красивую жену. Он верил, что у нее ни в чем нет недостатка, но потом выяснилось, что у нее не было души. Фридрих, заглянул ли ты в сердце этой девушки? Ты же знаешь, что говорят о Рольфе Шмутцере. Девушка, с которой его видели в этом году, ожидает ребенка. Он бросил ее и засватал другую. Весь город говорит о них. Нас тоже знают все. Что скажут люди, если ты женишься на неверующей?

— Мама, ты слишком далеко зашла! Твоя безграничная

антипатия к Лиле побуждает тебя к таким высказываниям,— вскочил Фридрих.— Как ты можешь сравнивать меня с Рольфом? Разве Лиля виновата, что выросла в неверующей семье? Нужно время, и она привыкнет ко всему новому, и я, я сам хочу быть тем, кто приведет ее ко Христу! Мама, я знаю тебя только как добрую, понимающую, любящую, и вдруг — такая жестокость!

— Я готова сделать для Лили все, что могу,— печально ответила фрау Хонек.— Охотно верю, что в ней скрыты возможности роста, и хочу помочь ей, насколько это возможно. Но я не могу принять ее как предназначенную тебе Богом жену. С того момента, как она станет твоей женой, наше привычное течение жизни, воспитание, которое мы с отцом дали тебе, и вся атмосфера нашего дома потеряют силу.

— Мама, я не понимаю тебя. Ты впадаешь в крайность,— сильно взволнованный, Фридрих подошел к открытому окну.— Почему ты думаешь, что Лиля не сможет привыкнуть к хорошим обычаям в нашем доме?

Одно мгновение оба молчали, затем Фридрих с отчаянием в голосе простонал:

— Как я могу решить такой важный вопрос без согласия матери?

Фрау Хонек встала, подошла к сыну и положила руку ему на плечо. С безграничной любовью она посмотрела ему в глаза.

— Ах, Фридрих! Бог свидетель, что я не хочу поступать жестоко и несправедливо. Мне жаль, что мои слова произвели на тебя такое впечатление. Прошу только об одном — разреши этот вопрос с Богом, прежде чем примешь окончательное решение. Если ты можешь предстать с Лилей перед Ним, я не хочу быть помехой. Но послушай меня, не предпринимай ничего, пока не получишь полной уверенности, что Господь благословляет твое решение!

Фрау Хонек поцеловала сына, и слезы побежали у нее по щекам. Когда Фридрих покинул комнату, она больше не могла сдерживаться и, рыдая, опустилась на стул.

— Боже мой, Боже мой, сохрани моего мальчика! Открой ему глаза!..

Мы часто думаем, что можем что-то отвоевать у Бога, осо-

бенно когда убеждены в правоте и важности своих требований. И все же Бог ведет каждого Своим путем, потому что Его мысли выше наших мыслей.

Этой ночью фрау Хонек не могла заснуть. Она знала, что ее сын в опасности, и самое страшное — он не видит этого! Что она могла сделать, чтобы предотвратить несчастье? Словно темные тучи нависли над ней, сердце сковала тоска. Ей казалось просто невозможным, чтобы Фридрих — честный, целеустремленный христианин — связал свою судьбу с легкомысленной и кокетливой девушкой!

Фрау Хонек в отчаянии простирала руки к Богу. Нет, она не желала ничего плохого этой девушке. Прав ли Фридрих, считая, что она поступает слишком жестоко? Она попыталась вспомнить хорошие качества Лилиного характера. Конечно, она разговорчивая, жизнерадостная, но сможет ли она нести бремя друга? Сможет ли переносить скорби, болезни, нужду? Сможет ли она быть верной помощницей Фридриху?

Бедная мать! Она изнуряла себя переживаниями о сыне и все же ничего не могла сделать, чтобы как-то изменить его судьбу. Он сам должен выбирать.

С наступившим днем фрау Хонек стало еще тяжелей. Она вообще не могла успокоиться. Почему Фридрих не выбрал себе другую? В их церкви была не одна христианка, которую она охотно назвала бы дочерью. А Ева... Боль пронзила сердце фрау Хонек. Ева Мария! Почему Фридрих не подумал о ней? До сих пор фрау Хонек никогда не думала об этом. Ева считалась сестрой Фридриха, но теперь она казалась ей самым лучшим выбором. Ева — красивая, нежная, благочестивая и искренне любящая Господа, как хорошо она подходила ее сыну! Но он выбрал ветреную, неверующую...

Может, она была не права, напомнив о Рольфе Шмутцере именно в тот момент, когда желала предотвратить сына от опасности? Да, все же как тяжело в нужный момент правильно сказать верное слово!

На увитый виноградом дом на Фонтанной легла темная тень. Ева непонимающе смотрела то на Фридриха, то на фрау Хонек и не могла объяснить, почему так тревожно у нее на сердце. Впервые фрау Хонек не поделилась с ней своим горем,

но Ева хорошо почувствовала, что какая-то забота тяжелым бременем легла на сердце близкого и любимого человека. Она видела круги под ее глазами и знала, что это следствие бессонных ночей. Фридрих тоже стал совсем другим. Он больше не шутил, а когда старался скрыть свою печаль, то его смех звучал неестественно и причинял Еве необъяснимую боль. Одна только Лиля не изменилась. Она так же смеялась и щебетала, напевала целый день веселые песни и, как бабочка, беззаботно подлетала то к Фридриху, то к фрау Хонек.

Фридриха удручала напряженная атмосфера в доме. У него еще никогда не было таких серьезных разногласий с матерью. После ночного разговора они больше не говорили на эту тему. Его сердце разделилось. На одной стороне была мать. Он точно знал, что она ведет себя так только потому, что любит его и хочет оградить от горьких разочарований. На другой стороне была любимая девушка. Он и сам не мог объяснить себе, как это получилось, что она овладела им, но больше не представлял себе жизни без нее.

Почему же они не смогут быть счастливыми? Конечно, он должен признаться, что еще ни разу не говорил с Лилей на духовные темы. Ему просто не хватало смелости. Когда он впервые пригласил ее на вечернюю молитву, то заметил, как высокомерно она улыбалась, слушая чтение Библии. Потом, кажется, она привыкла к этому. Во всяком случае, ее можно привести ко Христу, и она станет истинной христианкой!

Фридрих видел, что Лиля прислушивается к его словам, и считал, что они смогут идти вместе христианским путем. Они оба достаточно воспитанные и смогут приспособиться друг ко другу. Правда, мама говорила, что невозможно быть счастливым с человеком, имеющим мирские взгляды на жизнь. Конечно, мама может и ошибаться, хотя у нее большой опыт. Но Библия тоже говорит об этом. Фридрих знал, что Библия истинна.

Он искал объяснение и какое-нибудь основание своему выбору, не желая пересматривать его. Если бы он мог реально взглянуть на свою будущую жизнь, то, наверно, отступил бы от принятого решения, пока еще ничего не связывало его. Но он потерял ясное понимание в этом вопросе.

Фрау Хонек ужасно страдала. Неужели ее сын, который

всегда любил честность, справедливость и чистоту, всегда удивлял ее ясностью ума, вдруг соблазнился красивым лицом? Она знала, что это плохо закончится, но была не в силах что-либо изменить. Она много раз слышала жалобы матерей и думала, что ей не придется переживать подобное. Конечно, она соглашалась с тем, что первое место в сердце сына должна занимать жена. Это естественная участь всех матерей. Но она никак не могла вместить то, что сын берет жену, далекую от Бога.

Неужели Фридрих не хочет ее понимать? В памяти фрау Хонек вдруг ясно всплыл ночной разговор о Еве. Фридрих сказал тогда, что всегда будет понимать ее. А теперь? Теперь он пошел своим путем.

Фрау Хонек шагала по темной долине плача. Ее путь пролегал в одиночестве. Кому она могла доверить такие переживания? Только не Еве, хотя она и считала ее своей дочерью. Как она должна вести себя? Правильно ли будет, если она, мать, поставит сына перед выбором: или я, или Лиля? Имеет ли она право после стольких лет гармонии и взаимопонимания сеять вражду? Что же ей делать? Не дала ли она сыну совет — принести этот вопрос Господу? Но прежде всего ей самой нужно успокоиться в Боге. Она исполнила свой долг — сказала сыну все, что считала правильным, а теперь должна ждать, надеясь, что Господь все приведет к лучшему.

Пребывая в тихом общении с чудным Советником, фрау Хонек поняла, что горечь и насилие не должны иметь места в ее сердце, а только любовь и терпение. И она выпросила себе это у Бога.

Прошло несколько недель.

Фридрих снова пришел к матери.

— Я думаю завтра поговорить с Лилей.

— Делай, что велит тебе Бог.

Слова матери снова причинили ему боль.

Нет, Фридрих не мог с уверенностью сказать, что Бог благословляет его решение. Но в конце концов, они живут не в ветхозаветное время, когда праотцы получали конкретные указания от Бога в выборе жены. Он понимал одно: Лиля должна быть его женой. И если ее нельзя назвать верующей, то это не говорит о том, что он должен стать неверующим. Фридрих

заставил замолчать свою совесть и из-за этого очень много потерял в жизни.

Фрау Хонек каждый день старалась отвергнуть свое и покориться неизбежному. Она ежедневно просила у Бога новых сил любить и терпеть. Когда Фридрих представил ей Лилю своей невестой, ей пришлось еще раз пережить тяжелую внутреннюю борьбу. Фрау Хонек постаралась сердечно приветствовать будущую дочь. Фридрих сделал выбор, и она, мать, не хотела препятствовать ему.

Брак должен быть не позже, чем через полгода. Лиля настояла на этом, не желая ждать дольше. Она была достаточно умной, чтобы почувствовать позицию фрау Хонек, хотя та, как всегда, была приветлива к ней. Лиля боялась, что под влиянием матери Фридрих передумает. Это же просто смешно — так дорожить мнением матери! Фрау Хонек считает, что ничего нельзя делать без ее согласия, и думает, что так будет и впредь. Но нет, она в этом крепко заблуждается! Лиля Шнайдер не собирается подчиняться указаниям старомодной свекрови!

Благочестивый вид фрау Хонек раздражал Лилю. К тому же она не имела права сказать что-то против нее — Фридрих не принимал никакого поношения на мать. Но ничего, все завертится по-другому, когда она войдет в дом в качестве жены. После брака они займут второй этаж. Конечно, домик маловат и очень прост. Лиля всегда представляла свой дом большим, красивым, с высокими комнатами и элегантной обстановкой. Ладно, все это можно будет изменить. Главное — выйти замуж за Фридриха. Он — красивый, видный, и ей не терпелось быть всегда рядом с ним. Многие девушки будут завидовать ей.

Теперь же Лиля уезжала в Лейпциг. Приготовить свадебное платье и сделать другие важные покупки она не могла в этом захолустье. Там, в Лейпциге, совсем другая жизнь.

Она может спокойно уехать. Ее переживания в отношении Евы оказались безосновательны. Ева — действительно наивное создание. Лиля не могла без смеха смотреть, с каким почтением она относится к Фридриху. И все же он был для нее не больше чем брат.

С того дня как Фридрих представил свою невесту Еве, она стала еще тише. Лиля была для нее лишь случайной веселой

и разговорчивой гостьей, но никак не подругой. Теперь Ева поняла, отчего потемнело лицо тети. Будучи слишком чуткой и деликатной, чтобы говорить об этом, она старалась еще больше окружить фрау Хонек любовью.

Когда Лиля уехала, фрау Хонек облегченно вздохнула. Просто удивительно, как один человек может повлиять на атмосферу всего дома!

Прошло много времени с тех пор, как фрау Хонек последний раз прогуливалась с сыном по берегу. С того дня как Лиля появилась в их доме, для прогулок не находилось времени. Фридрих чувствовал, что ему не хватает общения с матерью, поэтому в первый же вечер после отъезда Лили немного смущенно спросил:

— Ну как, мама, пойдем на прогулку?

У Евы в этот вечер нашлась важная работа, и она не могла пойти. Фрау Хонек чувствовала, что Ева умышленно оставляет их одних, понимая, что эти вечерние прогулки будут прощальными.

Фридрих очень внимательно и нежно ухаживал за матерью. Хотя он и не хотел признаваться в том, но все же чувствовал, что виноват перед ней, и пытался загладить свою вину. Ему больно было от мысли, что эти две женщины, самые близкие его сердцу, не понимали друг друга. Гуляя по берегу или идя по кладбищу, Фридрих старался перевести разговор на свою невесту и убедить мать, что у нее много хорошего.

— Знаешь, мама, Лиля совершенно не требовательная. Я объяснил ей, что первые годы нам придется жить очень экономно. Она сказала, что готова жить со мной даже в убогой хижине! Я также говорил с ней о духовных вопросах. Мама, не думаешь ли ты, что я готов оставить Бога ради Лили? Мне иной раз кажется, что ты именно так и думаешь, и это делает меня несчастным. Я же знаю и понимаю, что вера в Бога — самое главное в жизни. Я говорил об этом с Лилей, и она со всем согласна. Она со слезами просила немного потерпеть, и она пойдет с нами одним путем. Поверь мне, мама, у Лили доброе сердце. Ты еще полюбишь ее!

Фрау Хонек хотела всему этому верить, хотела любить, если бы только... ах да, если бы... Почему же она снова переживает,

ведь все эти вопросы она доверила Богу! Имеет ли она право еще мучиться? Поэтому, улыбнувшись, она сказала сыну:

— Фридрих, я радуюсь всему доброму, что есть у Лили...

Солнечным весенним днем Фридрих Хонек и Лиля Шнайдер обвенчались. Родители Лили заказали праздничный обед в прибрежной гостинице. Фрау Хонек и Фридрих гораздо охотнее остались бы в своем доме, где можно было все сделать проще, но у Лили было много родственников, и все они, конечно, не поместились бы.

Во время венчания Лиля дрожала от внутреннего волнения. Первый раз в жизни она была в церкви. В ее родительском доме привыкли жить для себя и не думать о вечности. Но сейчас она почувствовала, что Фридрих и его родные, несмотря на их простой образ жизни, обладают каким-то неоценимым преимуществом, и глубокая тоска по этому преимуществу наполнила ее сердце.

Во время праздничного обеда Лиля была серьезна и задумчива. Ее родные, не привыкшие к такому поведению, сначала удивлялись, а потом стали подсмеиваться:

— Посмотрите только, наша малышка уже подстроилась к новому кругу!

Лиля смутилась и постаралась сбросить с себя серьезное настроение. А так как это было только настроение, то ей легко удалось это, и через мгновение она стала прежней.

— Ну вот, так лучше! — похвалила ее сестра.

Фрау Хонек в своем скромном платье выглядела чересчур просто среди модно и богато одетых гостей. Хотя родные Лили и были приветливы к ней, но это была лишь снисходительная, неискренняя приветливость. Фрау Хонек сидела между ними как молчаливый наблюдатель. И вдруг она ощутила глубокое сострадание к своей невестке. Пустые, поверхностные разговоры, которые велись за столом, говорили ей, в какой атмосфере росла и воспитывалась Лиля.

«Бедное дитя,— думала фрау Хонек,— в какой опасной зоне ты жила! Видно, никто не заботился о твоей душе. Ты сама, может быть, меньше всех виновата в этом». И она снова решила оказывать Лиле как можно больше любви.

На браке было весело. И чем громче смеялись окружающие, чем острее шутили, тем больше чувствовали свое одиночество фрау Хонек и Ева. Они тосковали по тишине своего домика. При этом фрау Хонек не могла отвязаться от страшного предчувствия, что благотворной тишине в их доме пришел конец.

Ева временами тайком поглядывала на Фридриха. Ей очень хотелось знать, нравится ли ему такое шумное торжество. Она тоже невольно думала о тихих приятных вечерах, когда они рассуждали о Слове Божьем и других хороших книгах. Наверное, это время уже никогда не вернется!

У Фридриха же не было времени подумать о своей приемной сестре. Он снова и снова смотрел на молодую жену, а та блаженно улыбалась в ответ. Да, Фридрих был счастлив в этот день. Или же это ему только казалось?

После обеда была прогулка по морю. Старый Гильдебрандт решил в честь такого события прокатить своего молодого друга с женой и родственниками на катере. Со смехом и шутками гости заняли места в украшенных гирляндами катерах. Ярко светило солнце, и гладь моря блестела в его лучах. Это была прекрасная картина.

Фрау Хонек не поехала. Она стояла на берегу и смотрела вслед удаляющимся катерам, как и несколько лет назад. Только теперь ее переживания стали действительностью. Теперь она поняла, что это произошло на самом деле. Какая-то невидимая сила оторвала от нее сына, и она ничего не могла сделать.

Катера становились все меньше и меньше и наконец совсем исчезли из виду. Фрау Хонек вдруг почувствовала себя такой одинокой, как никогда раньше. Был ли это конец? Стоит ли дальше жить? Только для сына, только ради него она жила, а теперь, одинокая и забытая, стояла на берегу... Но нет, это выглядит почти как ревность. Нет, нет, такое чувство не должно подниматься в ней, это недостойно христианки.

Фрау Хонек пошла на могилу мужа. Ах, как хорошо тем, которые уже ушли с этой земли! И тут ей стало стыдно, что она так отчаивается. Она ведь все доверила Богу. Где же ее упование? Почему снова начинается борьба?

Вера не приобретается путем упражнений, ее нужно ежедневно принимать как дар Божий.

На тихом кладбище фрау Хонек умоляла Господа, чтобы Он успокоил ее сердце.

Долго стояла она в умилении у могилы мужа, как вдруг почувствовала на плече чью-то руку. Позади нее стояла Ева.

— Я думала, что ты уехала со всеми! — воскликнула фрау Хонек.

— Я была на могиле мамочки,— ответила Ева.— Мне было так тоскливо...

Слезы потекли по ее лицу. Рыдая, она прислонилась к фрау Хонек. Та, успокаивая, погладила ее по голове:

— Дитя мое, значит, у нас с тобой было одинаковое чувство?

Они долго стояли молча. Каждая думала о своем. Наконец Ева спросила:

— Можно мне называть тебя мамой? Я так хочу этого!

Взявшись за руки, фрау Хонек и Ева пошли домой. Они обе нуждались друг в друге.

* * *

Фридрих присылал из свадебного путешествия восторженные письма. Он писал матери обо всем, что видел и переживал в Швейцарии. Впервые он был в горах и восхищался их снеговыми вершинами и необычайной красотой. Он не мог иначе — его мать должна хотя бы через письма принять участие в их радостных переживаниях. Лиля обычно только передавала привет.

В ожидании молодой семьи фрау Хонек и Ева украсили дом и по-праздничному накрыли стол. Фрау Хонек испекла любимый торт Фридриха. Да, она искренне радовалась возвращению сына и хотела с сердечной любовью встретить и принять его жену.

Ева еще раз оглядела стол. Да, теперь можно встречать Фридриха с Лилей, все готово. Красивые розы — первые в этом году — украшали стол.

Послышался сигнал машины. Оказывается, шеф Фридриха, находясь в деловой поездке, встретился с молодоженами и пригласил их остаток пути проехать на его машине.

И вот они приехали. Голос Фридриха зазвучал в доме, как в старые добрые времена.

— Мамочка, милая мамочка, наконец-то мы приехали! Слава Богу, наш дом все еще стоит! А вот и Ева, живая незабудка. Ах, как прекрасно в Швейцарии и в Италии, но все же лучше всего в Кольберге, в нашем уютном домике! Как хорошо, что мы уже здесь!

Сели за стол. Фрау Хонек испытующе посмотрела сыну в лицо. Фридрих был весел и разговорчив, но ей казалось, что это принужденная веселость. Неужели это так? Она упрекнула себя за придирчивость.

И все же материнское сердце было право. В это утро у Фридриха состоялся неприятный разговор с Лилей — первая настоящая дисгармония в их семье. Во время путешествия она была весела и довольна, некоторые маленькие капризы он не брал в расчет. Но когда они собрались ехать домой, он заметил ее беспокойство, причину которого не мог объяснить.

— Что с тобой, Лиля? — заботливо спросил он.— Ты так взволнована! Тебя, наверно, утомило длинное путешествие. Хорошо, что мы уже едем домой, в наш уютный, увитый виноградом домик! — И он нежно привлек ее к себе.

Но Лиля не ответила взаимностью. С явным возбуждением она выскользнула из его рук.

— Меня совсем не радует твой увитый виноградом домик! Я хорошо знаю, как там будет. Ты будешь во всем советоваться с матерью, и она будет всем руководить, а я... я... — жалобно зарыдала она, прикладывая к глазам платочек.

Фридрих был ошеломлен.

— Лиля, прошу тебя, объясни мне, что все это значит?

Он старался утешить ее, но ничего не помогало.

— Я не могу переносить, когда мной кто-то командует! — сквозь слезы проговорила Лиля.

— Командовать тобой? Милая, кто же делает такое? Разве моя мама плохо относилась к тебе? Наша мама очень понятливая, и я уверен, что она будет с любовью относиться к тебе.

— Да, конечно, ты всегда думаешь, что твоя мама во всем права, это я давно уже заметила! Но правильно говорят мои родители, что я должна с самого начала утвердить себя и

не давать командовать собой. Я не позволю, чтобы меня угнетали! — Она беспокойно крутила платочек в руках и плакала, будто уже сейчас с ней поступили несправедливо.

Фридрих не знал, что сказать, и не знал, что делать. Он не мог представить себе ни мать, ни Еву в таком капризном состоянии. Фридрих снова попробовал успокоить Лилю, что со временем ему удалось. И все же многое осталось ему непонятным.

Слезы едва успели высохнуть, как Лиля уже весело щебетала, шутила и, кажется, была всем довольна. А в сердце Фридриха спустилась темная туча. Ему тяжело было освободиться от этого мучительного чувства. Как же она будет вести себя дома, если у нее уже сейчас такие глупые выходки?

И вот они дома, за маминым столом. Как здесь хорошо!

— Лиля, ты еще не попробовала торт,— заметила Ева.— Возьми вот этот кусочек, пожалуйста!

— Нет, спасибо!

Фридрих посмотрел на жену и заметил на ее лице недовольство.

— Лиля, почему ты не кушаешь? — тихо спросил он.

— Ты же хорошо знаешь, что мой желудок не принимает сливочный торт!

Фрау Хонек смутилась.

— Как жаль! Я этого совсем не знала, а то бы мы еще что-нибудь испекли. Просто Фридрих его сильно любит... Но Ева сейчас сбегает в кондитерскую и принесет что-то другое.

— Да, конечно, что купить? — вскочила Ева.

Но к Лиле нельзя было подступиться.

— Не надо, я ничего не хочу. Не старайтесь, я все равно не буду есть,— отказывалась она.

Все удивленно смотрели на нее. А она угрюмо продолжала:

— А вообще, у меня ужасно болит голова. У этих роз такой сильный запах, что меня тошнит от него. Лучше я пойду лягу...

Фридрих покраснел до корней волос, но взял себя в руки и спокойно сказал:

— Да, мы лучше поднимемся к себе. Ты устала от дороги и нуждаешься в отдыхе.

Он встал. Ева сказала еще, что может помочь Лиле, если

что-то нужно, но Фридрих с благодарностью отклонил ее предложение. Он не хотел, чтобы Ева услышала то, что Лиля говорила ему утром.

Молодые ушли наверх. Фрау Хонек и Ева молча убирали со стола. Обе чувствовали, что нечто тяжелое и темное втиснулось в их приятный домашний уют. Если спокойно рассудить, то, по сути, ничего страшного не случилось. Но достаточно одного холодного слова, одного бессердечного замечания, чтобы ранить сердце, чтобы солнце померкло, чтобы оставить после себя удручающую атмосферу. Они обе почувствовали это и потому страдали.

Фрау Хонек нуждалась в уединении. Закрыв за собой дверь, она в первую очередь преклонила колени и долго молилась. Успокоившись, она стала рассуждать. Они с Евой старались как можно лучше встретить молодых, а что получилось? Торт отвергнут, запах роз — слишком сильный... Но фрау Хонек хорошо понимала, что главное кроется не в этом. Здесь отвергалось намного большее, чем торт и розы.

Она совсем по-другому представляла себе возвращение Фридриха с Лилей. Ей хотелось посидеть с детьми, пообщаться, ведь у них есть что рассказать. Затем Фридрих с Евой поиграли бы, вместе спели, а в конце прочитали бы отрывок из Библии и все вместе помолились. Она считала, что это лучше всего сближает и располагает друг ко другу. А теперь?

— Ах,— вздохнула фрау Хонек,— никогда не думала, что так трудно любить!

А наверху стоял плач. Лиля лежала в кровати и не могла успокоиться. Таким, значит, был вход ее в этот дом? О ней никто не подумал! Для нее ничего не испекли! Все только для сына, только для него! Как капризный ребенок, она погрузилась в свои мысли, считая, что с ней поступили несправедливо. И еще эта Ева! Ясно видно, что ее кроткое поведение — сущее представление. Она знает, что ей идет голубое платье, и потому надела его. Фридрих назвал ее незабудкой! А ей он еще ни разу так не говорил! Лиля была очень несчастна и проливала горькие слезы в подушку. Желая доказать Фридриху, что она не собирается молчать, хотя прошло всего пять недель, как они поженились, Лиля все высказала ему.

Фридрих молча выслушал ее и, не сказав ни слова, ушел в соседнюю комнату. Плотно сжав губы и скрестив руки на груди, он остановился у открытого окна. Сладкий запах цветущей акации проникал в комнату. Звезды ярко сияли в небе, как бы приветствуя его. Но все это не радовало. Он совсем по-другому представлял себе возвращение домой...

* * *

И все же между членами семьи не разгорелась ссора. Они стояли выше этих мелочей, и все, кроме Лили, обладали достаточным благоразумием, чтобы не разжигать ссору. Не только бессердечные или резкие слова могут привести к дисгармонии. Образ мыслей, дух человека способен нарушить мир и единство во всем доме. Нужно сказать, что Лиля не раз преднамеренно показывала свои капризы. Она привыкла потакать своему настроению и всегда, везде быть в центре внимания. И этот резко выраженный эгоизм был в доме ее мужа как инородное тело.

После того испорченного вечера Фридрих долго и серьезно разговаривал с Лилей, пытаясь объяснить ей, что гармоничная жизнь с матерью и Евой будет невозможной, если она полностью не отвергнет неосновательные подозрения.

— Мы все любим тебя! — заверял он.— Ты же должна понимать, что такие инциденты делают меня несчастным.

Нет, Лиля не хотела делать его несчастным.

— Я совсем не имела это в виду,— надула она губы,— а ты сразу же рассердился.

— Нет, милая, я не сержусь. Мы должны ясно понимать, что нам всем надо сохранять мир, который до сих пор царил в доме.

Лиля хотела возразить: «Не хочешь ли ты сказать, что я нарушаю мир?» Но в этот раз решила промолчать, и Фридрих был рад, подумав, что она тоже хочет мира. Да, Лиля была по-настоящему избалованной. Но Фридрих надеялся, что со временем она покорится. Он верил ей, потому что любил. Однако скоро он понял, что одной любви недостаточно, чтобы изменить плотскую, греховную натуру.

* * *

Господин и фрау Шнайдер сидели в богато обставленной столовой. Они любили завтракать в тишине, не мешая друг другу. Фрау Шнайдер, в элегантном утреннем халате, удобно устроилась в кресле и погрузилась в свежий журнал мод, в то время как ее дородный муж аппетитно ел. Он принадлежал к тем, кто богато живет, хорошо кушает и даже в годы инфляции не испытывает нужды.

Принесли почту. Господин Шнайдер мельком просмотрел ее и отодвинул в сторону. Он не любил, когда его тревожили во время еды.

— Ни одна из девочек не написала? — спросила фрау Шнайдер, откладывая журнал.— Маргита же обещала сообщить, как ей сшили платье. Она ведь специально выписала себе модель из Парижа! Элла тоже должна была на днях вернуться с курорта. Она уже давно не писала. О, среди твоей почты есть письмо от Лили! Я узнаю его по почерку. Посмотри-ка!

— Да, точно, я проглядел его.— Господин Шнайдер подал жене розовый конверт.

— Прочитать вслух?

Он кивнул и придвинул себе булочку с жареным мясом. Жена начала читать:

«Кольберг, 15. 08. 28.

Моя милая мамочка!

Большое спасибо за посылки. Копченое мясо и колбаса очень вкусные, но особенно я радовалась сладостям. Здесь такого нет. Фридрих мне уже скоро надоест со своей экономией. Я вообще не понимаю его! Мы ведь живем в нормальное время, когда можно все купить, но я должна отчитываться за каждый пфенниг. А если денег не хватает (обычно в середине месяца они уже кончаются), он читает мне длинные нотации и обходится со мной как с маленьким ребенком. Я же не виновата, что здесь все так дорого! И еще его мать хочет учить меня, как я должна экономно хозяйствовать.

Ах, эта свекровь! Я уже не раз писала вам о ней. Она ужасно обращается со мной. Я все делаю неправильно. Она везде сует свой нос. И хотя она всегда разговаривает в самом вежливом

тоне, я вижу, что за этим кроется. Вам легко говорить, что мне нужно настаивать на своем и не подчиняться им. Я уже болею от всех переживаний.

А эта благочестивая Ева! Я никак не могу освободиться от мысли, что она хочет отбить у меня Фридриха. Ах, какая я несчастная! Муж хорошо относится ко мне, но он и слушать не хочет, когда я жалуюсь на его мать или на Еву.

Надо заканчивать, я уже слышу, что он пришел, а у меня еще обед не готов. Это опять же его идея, что мы обойдемся без служанки. Я уже как уборщица. Вы бы видели мои руки! Здесь никто не обращает на это внимания.

Не хочу, чтобы Фридрих прочитал это письмо.

Да, еще одно. Пришлите мне, пожалуйста, шелк на летнее платье. Мама, ты же знаешь мои вкусы. А также мне нужен крем для рук. Здесь ничего хорошего нет. Ах, мой любимый Лейпциг, я бы все отдала, чтобы снова быть там!

Ваша Лиля».

Фрау Шнайдер посмотрела на мужа с выражением величайшего возмущения:

— Что ты скажешь на это?

Господин Шнайдер стряхнул салфеткой крошки с костюма, спокойно выпил остатки кофе, что чуть не привело в бешенство и без того раздраженную жену.

— Что я скажу на это? — наконец проговорил он.— Пусть сама смотрит. Она же хотела только его, этого благочестивого брата, хотя я не представлял себе, как наша жизнерадостная девочка...

Фрау Шнайдер не могла дождаться, когда он закончит, и, чуть ли не крича от возмущения, оборвала его:

— Она должна сама смотреть? Это все, что ты знаешь? Это твой единственный ответ на сигнал бедствия нашего отчаявшегося ребенка?! Это просто ужасно! Что только Лиле приходится терпеть! И это тянется уже целых четыре месяца! Нет, я больше не потерплю этого! Достаточно! — Фрау Шнайдер начала всхлипывать, обнаружив удивительное сходство с младшей дочерью: — Я требую, чтобы ты сегодня же, нет, сейчас же написал Фридриху, а также этой свекрови свое мнение. Бедное дитя, мое бедное дитя!

— Ты лучше сама напиши,— возразил муж.— Ты же знаешь, что я не люблю неприятных разборок, и к тому же малышка написала тебе.

Господин Шнайдер взял почту и ушел в контору.

— Да, конечно! — крикнула ему вслед фрау Шнайдер.— Ты не можешь этого сделать! Тебя не волнует, что ребенок погибает, но я знаю, что делать. Я напишу ей, чтобы она подала на развод. Тогда она снова будет дома!

— Вы сегодня чем-то сильно расстроены,— сказала портниха, заметив, что хозяйке не нравится ее лучшая модель.— Вам нужно поехать на курорт отдохнуть.

«Неудивительно,— думала фрау Шнайдер,— при таких переживаниях не трудно расстроиться! Да, матерям нелегко».

Господин Шнайдер тоже вздыхал. Его не удивляло то, что зять в Кольберге иногда раздражался. Лиля, вероятно, унаследовала наклонности матери. Да, нелегко быть отцом...

* * *

Лиза Гернер убралась на кухне и вошла в зал, где муж заканчивал мастерить миниатюрную конюшню.

— Гарри, не испачкай ковер,— попросила она, присев рядом.

— Не беспокойся, женушка, я очень осторожен. Впрочем, уже почти все готово. Как наш мальчик обрадуется завтра! Ты сегодня еще хочешь что-то готовить?

— Нет, я хочу дописать письмо Еве. Я чувствую, что она уже очень ждет. Думаю, она страдает больше, чем пишет об этом.

— Да... Похоже, мир и покой в их доме нарушился после женитьбы Фридриха. Конечно, мне хорошо с моей женушкой. Надо прежде хорошо все обдумать, чтобы потом не жалеть...

Гарри заканчивал подарок сыну, а Лиза села дописывать сестре письмо.

— Лиза, а что еще ты купила нашему мальчику на день рождения? — спросил он через некоторое время.

— Ничего. Думаю, достаточно конюшни и двух лошадок. Еще я сделала ему два фартука из своего старого. Поставим торт и печенье на стол, и будет празднично. Мы же хотим научить

детей жить скромно и быть довольными! А это особенно видно в праздники. Гарри, как мне хочется направить их детские сердца к Богу! Это залог их счастья. Боюсь, что именно этого недостает жене Фридриха. Родители, видимо, хотели воспитать ее благородной, но без Бога. Как это ужасно!

Гарри с нежностью посмотрел на сидящую перед ним жену, и сердце его наполнилось благодарностью Богу.

«Как я богат, имея такую жену! — думал он, продолжая мастерить.— Пусть у меня небольшой простой дом и я работаю на подсобных работах, мы все же живем намного лучше, чем несколько лет назад. Мы здоровы, у нас есть насущный хлеб, мы счастливы — большего и не нужно».

Лиза писала своей сестре:

«Данциг, 25. 10. 28.

Моя маленькая Ева! Дети сладко спят. Мой Гарри делает сыну подарок — у него завтра день рождения. В доме тишина. О, если бы ты сейчас была у нас! Но так как этого нет, то я довольствуюсь тем, что пишу тебе письмо.

Я очень часто думаю о тебе, особенно после твоего последнего письма. Ты совсем немного пишешь о своих тревогах, но, поверь мне, я чувствую больше. Почему ты не расскажешь фрау Хонек, что Лиля так плохо относится к тебе? Думаю, что твое молчание не всегда правильно. Ты пишешь, что тебе жаль Фридриха. Конечно жаль, но, в конце концов, он сам выбрал себе такую жену, значит, он ее любит.

Я рада, что фрау Хонек заменяет тебе мамочку. Мысленно я часто хожу с вами по берегу. Как там все-таки красиво! Жаль, что Фридрих так редко ходит с вами. Фрау Хонек, наверно, сильно страдает от этого. Она же была так привязана к нему! Ева, страшно подумать, но у меня ведь тоже растет сын! Я часто думаю, что мы, матери, призваны к высшему счастью на земле, но и к самому глубокому горю.

Курту наверняка одиноко в Штаргарде. Ева, родная, тебе еще никогда не приходила мысль поехать к нему? Думаю, он был бы очень рад твоему приезду. Конечно, это только в том случае, если ты хочешь. Я не буду давать тебе никаких предписаний, но думаю, что у Курта для тебя всегда найдется работа. Также знай, что в любое время ты можешь приехать к нам. Гарри — любящий, понятливый человек.

У нас пока нет ничего нового. Дети растут, спрашивают, скоро ли приедет тетя Ева. На твоей фотографии много пятен от их поцелуев.

А теперь, моя маленькая сестренка, до встречи! Не унывай! При всех трудностях, которые мне уже встречались на пути, я утешалась тем, что Бог не пошлет больше, чем мы можем перенести.

Да хранит тебя Бог. Гарри передает тебе сердечный привет.

Твоя сестра Лиза».

Прочитав письмо, Ева положила его в папку и вытерла непрошенные слезы.

«Лиза, дорогая, я знаю, что ты переживаешь за меня! — думала она.— Но оставить маму? Сейчас? Нет, это невозможно. Я знаю, что нужна ей».

Когда Фридрих пришел с работы, его жена снова заливалась слезами. Стол был не накрыт, ужин вообще не приготовлен.

— Лиля, что случилось? Почему ты плачешь? — спросил Фридрих с искренним участием.

— Еще спрашиваешь почему? Каждый день одно и то же! Я ничего не умею и ни к чему не пригодна. Но я положу этому конец! Я пакую свои вещи и еду к родителям. Мне надоело терпеть эти придирки!

— Расскажи, пожалуйста, что случилось? — мягко спросил Фридрих, стараясь сохранить спокойствие.

— Я хотела на ужин приготовить сладкое блюдо. И естественно, твоя мать опять вмешалась. В этом доме ничего нельзя сделать без нее! Она сказала, что эта еда не для мужчины и ты вообще не любишь сладкое, что мне нужно сварить что-то более питательное. А потом она стала критиковать мое белье и вообще всю мою домашнюю работу. Но теперь — хватит, я знаю, что она не может терпеть меня, и Ева также! Сегодня же упакую чемодан и уеду домой!

Ее слова не очень подействовали на Фридриха. К сожалению, Лиля уже не раз грозилась уехать к родителям. Но Фридрих все-таки попробовал сгладить острые углы и успокоить жену.

— Лиля, ты, наверное, опять неправильно поняла маму. Когда

я начинаю исследовать дело, картина каждый раз меняется. Тебе действительно нельзя быть такой обидчивой. Но я поговорю еще с ней...

— Конечно, я щепетильная! Всегда я, я и еще раз я виновата! Я, наверно, не доживу до такого, чтобы ты хоть раз сказал, что я права, и увидел, как плохо обращаются со мной в этом доме.

— Скажи, пожалуйста, что у нас сегодня на ужин? — спросил Фридрих, которому действительно тяжело было сохранять спокойствие.

— Иди к матери! — крикнула она ему.— Она же лучше понимает, как нужно заботиться о тебе! Иди к ней!

Фридрих взял шляпу и повернулся к двери. Фрау Хонек слышала, как он вышел из дома, и была готова тут же побежать следом. Но потом решила, что лучше оставить его одного. Фрау Хонек понимала, что не имеет права становиться между мужем и женой. Он сам должен справиться и разрешить конфликт. А ей нужно молчать.

Тяжело вздыхая, фрау Хонек пошла в свою комнату. Ах, как часто это повторялось! Случилось именно то, что она предчувствовала. Все попытки приблизиться к невестке и помочь ей были напрасны. Все добро отскакивало от нее, как от неприступной скалы. И теперь ее сын ушел в ночь. Он, конечно, снова ничего не ел. И она не имеет права даже предложить ему ужин. Невестка воспринимает все в искаженном виде. Добрый совет она истолковывает по-своему, за каждым вопросом подозревает подвох.

Фрау Хонек часто была близка к отчаянию. Что только она не пробовала! Она была готова пожертвовать всем, лишь бы сохранить мир в доме. Но все было напрасно. Лиля уже не скрывала неприязни.

Фридрих, нервничая, ходил вдоль берега. Дул холодный осенний ветер. Волны с шумом разбивались о берег. В сердце Фридриха тоже бушевало. Он остановился и с горечью рассмеялся.

Его прогулки на берегу стали такими редкими! Да и приходил он сюда лишь после очередного серьезного конфликта. Его жена не любила море. Ей больше нравилось отдыхать в

кафе и слушать шлягер* по радио. И так было во всем. Все, что любил он и чему радовался,— было скучным для нее, а то, что не нравилось ему,— предпочитала она. Неужели он этого раньше не видел? Или вначале было не так? Да, мама говорила ему, что нельзя быть счастливым с тем, у кого другие взгляды на жизнь. Значит, она все же была права?..

Фридрих снял шляпу. Несмотря на прохладную осеннюю погоду, ему было жарко. Ветер играл в его волосах, и ему это было приятно. Ах, если бы он мог выдуть ту тяжесть, что обременяла его! Но она лежала слишком глубоко.

Уже несколько часов Фридрих как неприкаянный ходил по берегу. Сердце его кровоточило от невыразимой скорби. Как быть дальше? Уже не было такого дня, чтобы у них с Лилей все было хорошо. Дошло до того, что он с неохотой возвращался с работы домой. Его жена всегда на что-то жаловалась. Она так умела все преподнести, что он верил в несправедливое отношение к ней.

Сколько раз уже Фридрих выговаривал матери! Но слушая ее, такую добрую и любящую, он точно знал, что она невиновна. Обычно она уже заранее брала вину на себя: «Может, я виновата и не так разговаривала с ней» или «Может, я была нетерпелива»,— тогда он чувствовал, что правда на ее стороне. Когда же он делал Лиле легкие замечания, она закатывала истерику. Ах, эти капризы и постоянный плач! Как все это действовало ему на нервы! Вдобавок ко всему Лиля заявляла: «Ты уже не любишь меня, я надоела тебе» и тому подобное. А через время она жалобно говорила: «Фридрих, если ты тоже будешь ругать меня, я не вынесу. Тогда я буду совсем одинока в этом доме».

Фридриху казалось, что у него вот-вот кончится терпение. Никогда в их доме не было ничего подобного. С каждым днем становилось все хуже и хуже. Он любил Лилю, но иногда в его сердце вкрадывался страх: долго ли еще так будет продолжаться? Ах, если бы она была благоразумной и принимала советы! Но если человек оправдывает свои ошибки или смотрит на них сквозь пальцы, ему невозможно помочь!

* Шлягер — модная, популярная музыка, песня.

Фридриха тянуло к матери, и в то же время какая-то робость останавливала. Он боялся посмотреть ей в глаза, потому что уже сейчас, через полтора года после свадьбы, должен был признаться, что она оказалась права. Его также выводило из себя то, что Лиля пыталась унизить Еву в его глазах. Он слишком хорошо знал свою приемную сестру и понимал, что только ревность побуждает его жену к таким унизительным подозрениям. Ева, несмотря на все это, оставалась любящей и внимательной. Сколько работы она выполняла за Лилю! Его жена действительно не имела никакого понятия о ведении домашнего хозяйства.

Фридрих ходил по берегу и никак не мог решиться возвратиться домой. Он знал, что мама еще не спит и молится о нем. Она молится! Ему показалось, что он слышит голос матери: «Фридрих, ты уже говорил с Богом об этом?»

Говорил с Богом?! Именно это и было самое страшное — Фридрих чувствовал, что выскользнул из рук Божьих. Он не хотел этого, но так почему-то получилось. Его жена тоже ничуть не приблизилась к Богу, хотя до брака обещала. Все повернулось совсем не так, как он себе представлял.

Мать молится за него... С того времени как он познакомился с Лилей, он очень редко молился. И сейчас он хорошо чувствовал, что между ним и Богом стоит стена. Мог ли Бог быть с ним, если он выбрал собственный путь? — Нет. Фридрих понимал это, но что теперь делать? Назад возврата не было.

Так он рассуждал в штормовую ночь и бродил вдоль берега, как бездомный. А может, он был им на самом деле?

* * *

Со дня бракосочетания прошло около двух лет, и Фридрих однажды радостно сказал матери:

— Мама, наконец-то у нас будет все хорошо. Лиля ожидает ребенка...

Фрау Хонек обняла сына.

— Мой мальчик, как я рада!

— Бабушка! Бабушка! — искренне рассмеялся Фридрих.—

Теперь у тебя снова будет объект любви.

Глаза его заблестели, и он торопливо вышел, чтобы скрыть свои чувства.

Фрау Хонек сразу же поделилась этой радостью с Евой. В доме началась усердная работа. Пеленки, распашонки, шапочки — все это готовилось с большой любовью. Ева заказала детскую коляску, тайком от домашних принесла к себе в комнату и обшила красивой тканью.

Никто, наверно, не был так счастлив в ожидании ребенка, как фрау Хонек. Она уже давно мечтала о нем. Когда возникал конфликт между молодыми супругами или когда все ее попытки завоевать сердце невестки кончались неудачей, она думала: «Если бы у них был ребенок! Это так соединяет сердца!»

Теперь у фрау Хонек появилась надежда, что, став матерью, Лиля научится понимать ее. Ведь она с такой ревностью разрешала Фридриху на несколько минут заглянуть к матери! И тогда фрау Хонек хотелось крикнуть: «Это же мой сын, мой ребенок! Я тоже имею на него право!» Но до сих пор Лиля не понимала этого. Теперь же все будет по-другому. В их домике снова станет солнечно и тепло. Детский смех будет наполнять дом, и даже крик и плач ребенка представлялся фрау Хонек музыкой.

Лиля тоже ожила. Теперь она была в центре внимания, что ей особенно нравилось. Здоровье у нее было слабое, и врач предупреждал, чтобы она берегла себя.

Фрау Хонек с Евой взяли на себя работу по дому и делали все возможное, чтобы Лиле было хорошо. Хотя благодарность Лили часто выражалась покровительственной надменностью, но они старались не замечать этого. Они были рады, что атмосфера в доме изменилась и появилась надежда, что скоро будет еще лучше. Конечно, Лиля по-прежнему раздражалась и часто была не в настроении, но все это легче переносилось, потому что приписывалось ее положению.

Фридрих окружил жену нежной любовью. Он тоже надеялся на серьезные изменения в будущем и часто мечтательно повторял: «Когда родится ребенок...» Он думал, что став матерью, Лиля на многое будет смотреть по-другому и, прежде всего, станет бескорыстной.

* * *

Лиля усердно штудировала книги по уходу за детьми и их воспитанию. В общем, каждый по-своему готовился к принятию ребенка. Фрау Хонек с Евой молились, чтобы Бог благословил приход малыша в их дом.

Вернер родился солнечным майским днем. Празднично было не только в доме Хонеков. Казалось, вся природа праздновала рождение нового человека. И чистое голубое небо, и нежная зелень, и звонкое пение птиц — все было необыкновенно красивым.

Молодая мать лежала на белоснежных подушках и счастливо улыбалась. В материнстве есть что-то таинственное, и отпечаток этого лежал на лице Лили. Еще несколько часов назад ей казалось, что от неописуемого страха у нее разорвется сердце. И действительно, последовали тяжелые часы, когда она призывала имя Бога и была благодарна свекрови, которая утешала и успокаивала ее, прикладывая к горячему лбу свою холодную руку. Лиле становилось легче от сознания, что за нее молятся.

И вот все позади. Лиля стала матерью. Рядом лежал сын. Маленький человечек, громким криком объявивший о своем приходе в мир, принадлежит ей.

Блаженно улыбаясь, Лиля протянула свою белую тонкую руку мужу и сказала:

— Фридрих, у нас мальчик!

— Ева, надо испечь торт и все вазы наполнить цветами! Такого праздника у нас еще никогда не было. Мальчик, Ева, да еще какой! Я вообще не понимаю, почему до сих пор не звонят все колокола в городе?!

Фридрих был вне себя от радости и вел себя, как мальчишка, готовый на любую шалость.

— Они уже звонят в наших сердцах,— ответила Ева.— Все колокола радости в движении!

При первой же возможности Фридрих устремился к морю. По-другому он не мог. Он всегда шел туда, когда его что-то сильно волновало. И теперь он направился к морю с льющейся через край радостью.

Фридрих стоял на берегу, чувствуя глубокую благодарность Богу за то, что Он так долготерпелив к ним. Да, теперь все должно пойти по-другому. Фридриху казалось, что после всего пережитого они непременно пойдут истинным путем. Теперь мир, радость и взаимопонимание наполнят и сердце, и дом.

Но счастье длилось недолго. Лишь первые недели после рождения Вернера в семье царил мир. Приход ребенка не мог освободить сердце от духа себялюбия, ревности и черствости. Добрых намерений или чувства страха так же недостаточно, как и самих слез раскаяния, чтобы основательно измениться. Лиля не пережила истинного возрождения. Прошло совсем мало времени, и она снова стала такой, как была. Может, на нее повлияло посещение матери? Конечно, она не могла дать своей дочери больше, чем имела сама. Фрау Шнайдер привезла множество подарков, нужных и ненужных, но обогатить внутреннего человека никак не могла.

Беседы матери с Лилей были очень поверхностными. Они говорили только о моде, театре и кино. Кроме этого, фрау Шнайдер была озабочена тем, чтобы научить Лилю применять различные средства для сохранения себя от преждевременной старости.

— Тебе крайне нужна няня, которая бы день и ночь смотрела за ребенком,— наставляла она дочь.— А ты должна окрепнуть и зимой приехать на несколько недель в Лейпциг, чтобы немного поразвлечься в нашем мире.

Она сама, видно, не сознавала, что кроется под словами «наш мир». Действительно, это был совершенно другой мир.

Фрау Хонек с глубоким состраданием думала о столь безрассудной женщине, матери троих дочерей. Какая пустота наполняла ее! Что она могла дать своим детям? На какой путь она направляла их? Да, мать, не осознавшая своей святой задачи,— не настоящая мать, даже если у нее много детей.

Лиля тоже считала, что в доме должна быть няня, и этому напрасно противился Фридрих.

— Лиля, я буду помогать тебе по дому в свободное от работы время,— заверял он.— К тому же мама с Евой охотно возьмут на себя самую тяжелую работу. Я прошу тебя, не отдавай нашего мальчика в чужие руки!

— Конечно, это опять трата денег, что тебе абсолютно не подходит! — возмутилась Лиля.— Но на этот раз я не сдамся! В наших кругах такой обычай, и у меня должна быть няня! Я даже не думаю менять свое мнение! Или ты хочешь, чтобы я днем стирала пеленки, а ночами слушала плач ребенка? Ты совсем не думаешь о моем здоровье. Тебе все равно, как я чувствую себя. Ты думаешь, это легко — ухаживать за ребенком?

— Я тебе уже несколько раз говорил, что мама с Евой были бы счастливы ухаживать за ним.

— Это вообще исключается. Вы с первого дня хотите лишить меня всех прав. Но все вопросы, связанные с моим ребенком, я буду решать сама!

— И поэтому доверю его чужому человеку,— горько усмехнулся Фридрих.

— Мама написала, что нашла хорошую няню в Лейпциге. Она приедет через неделю.

Фридрих был разгневан. Значит, все это решалось за его спиной?! Одно мгновение ему казалось, что он должен ударить кулаком по столу или в бессилье закричать, чтобы стало легче, но сдержался, ведь Лиля еще так слаба. И он промолчал.

Шеф Фридриха, который все эти годы с отцовской любовью заботился о нем, заметил в нем изменение в худшую сторону.

— Не знаю, что случилось с нашим Фридрихом,— сказал он как-то своей жене.— По-моему, он несчастен.

Понаблюдав за Фридрихом, шеф подошел к нему однажды и, положив руку на плечо, тихо сказал:

— Фридрих, я переживаю за тебя.

Фридрих так погрузился в свои думы, что не понял слов шефа и не очень дружелюбно ответил:

— Я не знал, что даю вам повод огорчаться.

Шеф удивленно посмотрел на него и с любовью сказал:

— Ты сейчас чем-то сильно озабочен, иначе понял бы, что я говорил не об огорчении. Я люблю тебя, как сына, и мне не все равно, как ты живешь. Мне больно, когда я вижу, что ты несчастен...

Слушая старого друга, Фридрих осознал свою вину.

— Простите меня, пожалуйста,— попросил он.— Я совсем забылся... Конечно, я был не прав.

Фридрих охотно сказал бы больше, но не мог же он взвалить на старого человека свои семейные заботы! Как объяснить, что он страдает именно оттого, что жена не понимает его? Лиля оставила свои материнские обязанности. А ведь он надеялся, что именно они повлияют на ее характер. Он думал, что занятия с ребенком послужат связующим звеном между Лилей, Евой и матерью. Но увы! Нет, он не мог понять этого! Конечно, бывают случаи, когда няня необходима, но здесь можно было обойтись и без нее.

— Фридрих, если у тебя возникнет когда-нибудь желание высказаться, я всегда готов выслушать,— протянул ему руку шеф.— Впрочем, я хотел еще напоминить тебе о проповедях профессора фон Тавеля. Подумай, ты же знаешь истинный путь!

— Благодарю вас,— хрипло ответил Фридрих.

Он чувствовал, что слова шефа — не пустые фразы. Они исходили из глубины любящего сердца. Ах, если бы он мог, как раньше, по-детски доверять Богу! Но он потерял все. Уже долгое время Фридрих не посещал богослужений. Даже когда у него было это желание, каждый раз что-то мешало. В начале супружеской жизни он старался проводить вечерний час молитвы, но Лиле это не нравилось. «Нельзя же из-за этого назвать меня неверующей»,— обычно говорила она.

Так, незаметно для себя, Фридрих лишился самого главного — общения с Богом. Это было большой потерей. И хотя он сознавал это, подняться не хватало сил. А совесть постоянно обвиняла: «Ты сам захотел этого». Да, если бы он смирился перед Богом, наладил свои отношения с Ним, то в молитве и общении со святыми получал бы силу для повседневной борьбы. Но он все дальше и дальше уходил от источника духовных благ.

Няня приехала и сразу же приступила к своим обязанностям. Несмотря на молодость, она выглядела очень опытной, во всяком случае выдавала себя за такую, и поступала очень самоуверенно. Казалось, что ее главная обязанность — обучать фрау Хонек. Няня утверждала, что сейчас совсем не так ухаживают за детьми, как двадцать лет назад. Когда бабушка подходила к кроватке внука и давала какой-нибудь совет, Клара (так звали няню) решительно заявляла, что сегодня это делают по-другому, что знаменитые доктора предписывают то-то и то-то.

Клара считала себя очень образованной. Фридрих же утверждал, что она просто много воображает. Его высказывание вызвало бурную реакцию.

— Конечно, она плохая, потому что ее нашла моя мама! Если бы твоя мать сделала это, ты не позволил бы себе вынести такой приговор! — возмущалась Лиля.

Фрау Хонек с глубокой скорбью поняла, что ее советы и помощь не нужны. Ева тайком плакала. А Лиля смотрела на все это с довольством. Наконец-то у нее появилась возможность показать свою власть живущим на первом этаже!

Зимой Лиля с Кларой и Вернером уехали в Лейпциг.

— Я не собираюсь погибать в этом скучном захолустье! — заявила Лиля Фридриху.— Ты совсем не заботишься о том, чтобы как-то разнообразить мою жизнь. Конечно, ты привык проводить зиму в одиночестве, а у меня совсем другие запросы...

Да, Фридрих уже и сам увидел это. Он давно понял, что привычная ему жизнь не нравится его взыскательной жене.

В доме опять стало тихо, но это была не отрадная тишина. Фридрих часто сидел в своей комнате один.

Тишина и уединение не приносит пользы, если в душе бушует буря. Лишь духовный покой несет с собой возможность благословенно использовать внешнюю тишину.

— Я хочу проработать новую книгу,— пояснял Фридрих матери, как бы извиняясь.

Но фрау Хонек хорошо знала, что не книга сделала его замкнутым. Она знала своего сына. И хотя он был женатым, он оставался ее мальчиком. Мать знала, что он не из тех, кто легкомысленно относится к жизни, видела, как он страдает, и верила, что придет время, когда он осознает свою вину.

И все же иногда Фридрих сидел с матерью и Евой внизу, в уютной гостиной. Тогда они по-прежнему занимались музыкой или читали хорошую книгу. И тогда всем казалось, что вернулось прошлое. В такие вечера Фридрих обычно оставался и на вечернюю молитву, но вел себя очень скованно, и все страдали от этого. После таких общений с родными Фридрих долго не мог уснуть. Ему казалось, что он стал для них чужим.

Лиля с упоением описывала свою жизнь в Лейпциге. Она восторгалась театральными пьесами и кинофильмами, восхи-

щалась бурной жизнью родного города. О Вернере она писала, что он растет и не болеет, а о возвращении домой — ни слова.

Вернулась Лиля неожиданно, предупредив о приезде телеграммой.

Фридрих встречал семью с радостно бьющимся сердцем. А когда малыш восторженно запищал, протягивая к нему ручки, он был вне себя от счастья. Лиля выглядела очень бледной и уставшей. Она приехала одна.

— А где же Клара? — спросил удивленный Фридрих.

— Ах, она такая бессовестная! — вздохнула Лиля.— Представляешь, ей не понравилось, что я вечерами ходила с родителями гулять, и она тоже тайком уходила на свидание. Вернера она оставляла одного. Я один раз пришла домой раньше обычного, а он сидит в кроватке и вздрагивает от долгого плача. Я, конечно, сразу же выгнала ее, зачем терпеть такую няню?!

Фридрих прижал сына к себе:

— Бедный мой мальчик, значит, ты уже успел почувствовать себя одиноким? Лиля, ты тоже выглядишь измученной,— повернулся он к жене.— Жизнь в большом городе — не для тебя.

— Да, я рада, что снова могу быть здесь,— ответила она с теплотой в голосе.— Мама сильно постарела, хотя и не хочет соглашаться с этим. Она стала ужасно нервной. А папа только и думает о собственной персоне, чтобы ему было хорошо. Вернер тоже раздражал его, и, когда я уезжала, он неприкрыто радовался, что в доме снова будет покой.

По всему чувствовалось, что Лиля ясно увидела огромную разницу в жизни этих двух домов.

Нервная горячка и постоянный шум в родительском доме сменились тишиной. Спокойствие фрау Хонек и Евы было приятно Лиле. Она все чаще стала оставлять ребенка на их попечение, доставляя бабушке и тете Еве огромное наслаждение.

Лиля любила своего ребенка больше всего на свете, но это была безрассудная любовь, которая страшно баловала мальчика. Когда Фридрих наказывал Вернера за упрямство и непослушание, Лиля возмущалась и плакала.

— Ты жестокий и грубый! — кричала она на мужа.— Иди ко мне, сыночек, твой папа очень злой!

Новая тревога легла на душу Фридриха. Смогут ли они

правильно воспитать сына? Он понимал, что родители обязаны указать своим детям истинный путь жизни. Но как это сделать?

Фрау Хонек все же добилась согласия Лили на то, чтобы каждый день молиться с внуком и рассказывать ему истории из Библии. Теперь никто не мог помешать ей в этом. Даже когда невестка была не в настроении и обращалась с ней неприветливо, она продолжала свое дело. Трогательно было наблюдать, как мальчик вел себя в это время. Сложив ручки, он лежал в кроватке и с вниманием слушал бабушкины песни, рассказы и молитвы.

Слушая пение матери из соседней комнаты, Фридрих невольно вспоминал детство и с ужасающей ясностью начал осознавать, что он потерял.

Курортный сезон в Кольберге был в полном разгаре. Как-то вечером к Хонекам пришла дама и спросила, нет ли у них свободной комнаты. Узнав, что все занято, она огорчилась.

— Как мне хочется остановиться в таком восхитительном домике! Ваше маленькое сказочное царство мне несравненно милее, чем первоклассная гостиница,— польстила она.— Неужели нет ни одного свободного местечка? Я буду довольна самой маленькой комнаткой!

Ева отдала ей свою спальню, что уже не раз делала в случае нужды. Дама, казалось, была сверхсчастлива и осыпала Еву потоком ласкательных слов.

— Какая чудесная комната! — восторженно воскликнула она и тут же стала устраиваться по-домашнему.

Фрау Хонек приняла гостью настороженно. Общаясь с разными отдыхающими, она со временем стала хорошо понимать людей. Эта шикарно одетая дама не понравилась ей. Фрау Хонек больше всего волновало не то, что эта женщина чересчур много пудрится и красится, что у нее непонятного цвета волосы, что она крикливо одевается, обвешивая себя всякими украшениями. Волновал ее взгляд — цепкий, пронизывающий, неприятный. «Недаром говорится, что глаза — окна души»,— думала фрау Хонек.

Фрау Финкер (так звали эту женщину) рассказала, что ее муж — богатый фабрикант — коварно обманул ее, и она развелась с ним. Все эти переживания так повлияли на ее здоровье,

что она вынуждена каждый год ездить на курорт. Казалось, что фрау Финкер просто не может не рассказывать о себе. Видимо, она считала, что все верят ее путаным рассказам, но фрау Хонек чувствовала в ее словах фальш.

Квартирантка восхищалась Евой, называя ее единственным чистым ангелом, и старалась подружиться с ней. Впервые фрау Хонек радовалась, что у Евы врожденная молчаливость. Она просто не доверяла этой женщине.

Когда фрау Финкер поняла, что Ева недосягаема, она переключила свое внимание на Лилю. Трехлетний Вернер оказался самым красивым и смышленым мальчиком в мире.

— Нет, эти прекрасные локоны! — восторгалась фрау Финкер.— Эти, как картинка, умные глаза! И неудивительно, ведь у него мать — красавица!

Лиля почувствовала себя польщенной. Она тоже обратила внимание, как модно и элегантно одевается эта женщина, просто поразительно!

— Ну, господин муж должен быть очень осторожным, чтобы кто не увел его жену,— смеялась фрау Финкер.

Лиля, улыбаясь, с гордостью принимала комплименты. Когда Фридрих пришел домой, она с восторгом рассказала ему о новой даме, что поселилась в их доме.

— Мне она совсем не нравится,— откровенно сказал Фридрих, глядя на фрау Финкер через окно.

— Почему? — вспыхнула Лиля.— Она очень образована и любезна. Конечно, она не такая святая, как вы, и, вероятно, совсем не хочет быть ею.

Фридрих с горечью улыбнулся. Его кольнул этот упрек. Святая, как вы? К сожалению, он уже давно не такой, каким его считала жена.

— Я буду очень рад, если ты не разочаруешься в ней.

— Впрочем, она должна быть из знатного рода,— продолжала Лиля мечтательно.— Ее родные живут в богатых поместьях на Рейне, а один брат служит при дворе в какой-то стране, не помню в какой.

— Наверно, в качестве лакея! — усмехнулся Фридрих.

— Я запрещаю тебе говорить так о людях, которые нравятся мне! — с раздражением сказала Лиля.— Она и сама богатая,

а после смерти отца ей достанется огромное наследство.

— Милая, я не хочу огорчать тебя, но мне кажется, что это непутевая женщина. Хотя бы она заплатила маме за комнату!

— Ты ужасный человек! — снова возмутилась Лиля.— Вот такие вы святые! Так раскритикуете человека, что не захочешь даже здороваться с ним.

Лиля и фрау Финкер сдружились. Они вместе ходили гулять, часто подолгу сидели в кафе.

Как-то фрау Хонек увидела, что ее квартирантка целует Вернера. Ей это было очень неприятно. Вечером она подозвала невестку и сказала:

— Лиля, я не могу смотреть, как фрау Финкер целует ребенка своими накрашенными губами. К тому же она курит. Прошу тебя, не разрешай ей этого!

— Это мое дело,— гордо вскинула голову Лиля.— Почему моя подруга не может целовать моего ребенка?

— Твоя подруга? — растерянно опустила руки фрау Хонек.

— Да, моя подруга! — с вызовом бросила Лиля и вышла.

На самом деле она не очень-то дорожила этой дружбой, но ей доставляло удовольствие досадить свекрови.

В тот вечер Ева была на кухне одна. Она резала овощи для икры. Фрау Хонек ушла на кладбище подправить могилы. Фридрих задержался на работе, у них было рабочее совещание. Лиля с фрау Финкер сидели в беседке в саду. Ева слышала их веселый разговор, но не хотела вникать в него и думала о своем.

На землю спускались сумерки. В кухне пахло луком, но через окно легкий ветерок доносил приятный запах цветов. В саду их было великое множество — желтофиоль, резеда, колокольчики, золотистые настурции, розы. Ева высунулась из окна и с наслаждением вдохнула свежий воздух. И вдруг она услышала свое имя. Ева вздрогнула и, считая нечестным подслушивать чужой разговор, отпрянула от окна. Но тут снова послышалось ее имя и разговор стал таким громким, что она отчетливо слышала каждое слово.

— Значит, фрау Хонек приняла Еву после кораблекрушения? Ваша свекровь — симпатичная женщина, но чересчур религиозная, не правда ли? Думаю, вам порой нелегко с ней...

Ева почувствовала, как загорелись ее щеки. Это же просто возмутительно! Как Лиля может слушать такое?!

— Значит, Ева, так сказать, воспитывалась вместе с вашим мужем? — продолжала фрау Финкер.— Они хорошо понимают друг друга, правда? Гм, я не знаю, но мне кажется, моя миленькая, что вы очень наивны, доверяя этой красотке. Неужели вы не боитесь за своего мужа?

Ева задрожала всем телом. Ей хотелось крикнуть, что она все слышит, и потребовать у этой негодной женщины отчет за ее слова, но силы изменили ей. Ева еле стояла на ногах.

«Лиля наверняка защитит меня от этого позора,— подумала она, облокотившись на подоконник.— И хотя у нас с ней никогда не было близких отношений, теперь она обязательно вступится за меня и за Фридриха».

— Да, я уже давно думаю об этом. Вообще, за мужа я спокойна, но Ева... У меня такое впечатление, что она постоянно преследует его. За ее невинным детским взглядом скрывается что-то другое. Она всегда смотрит на меня как на захватчицу, потому что надеялась и ожидала, что Фридрих женится на ней. Свекровь тоже хотела этого, поэтому они так плохо обращаются со мной.

Услышав такое, Ева застонала, как подбитая птица, и отпрянула от окна, зацепив большое фарфоровое блюдо. Оно упало на пол и разбилось.

Женщины в беседке испуганно вскочили.

— Что это? — прошептала фрау Финкер.

— Что-то случилось на кухне! — воскликнула Лиля, и в ее голосе был слышен страх.

— Эй, там кто-нибудь есть? — спросила фрау Финкер, подняв голову, а затем повернулась к Лиле: — Не бойся, на кухне никого нет, а то бы там уже горел свет.

Лиля с облегчением вздохнула, но все же на душе у нее было неспокойно.

Обессиленная Ева прислонилась к стене и в отчаянии схватилась за голову.

«Боже мой, это правда или же только сон? — заплакала она.— Неужели я на самом деле услышала такое уничтожающее обвинение? Как они осмелились потоптать мою честь?»

До сих пор Ева терпела Лилины капризы и насмешки, но такого она не могла перенести. Ее первым желанием было пойти и потребовать у этих женщин отчета за такие жестокие слова. Да, стеснительная Ева нашла бы в этот момент слова для самозащиты, но будет ли это правильным?

«Не судите, да не судимы будете»,— вспомнила она слова из Библии. Именно сегодня утром фрау Хонек читала их перед молитвой. Значит, нужно молчать? Да, это самый лучший выход. Нельзя затевать скандал хотя бы ради фрау Хонек и, прежде всего, ради Фридриха, который будет сильно страдать от этого.

Ради Фридриха? Но почему она должна оберегать его? Он хоть раз побеспокоился о ней, о ее чувствах? Нет, она не должна причинять ему боль, он и так много страдает. Ева все видела и не хотела взваливать на него еще и это бремя. Он — друг ее юности, хороший товарищ — должен и дальше оставаться для нее другом.

У Евы потемнело в глазах. Что сказала Лиля? Она преследует его? Подала ли она когда-нибудь словом или взглядом повод к такому обвинению? Душевная боль вызвала у Евы боль в сердце. Прижав руку к груди, она опустилась на стул.

«Господи, помоги мне! — рыдала она.— Совершила ли я грех? Я пришла в этот дом подростком и восприняла Фридриха как старшего брата. Да, я люблю его и знаю как хорошего, честного, верного человека. Я люблю его от всего сердца, но мне не стыдно смотреть его жене в глаза. Ах, Боже мой, Боже мой, я не выдержу этого! Как мне теперь вести себя? Я должна бояться разговаривать с Фридрихом? Разве моя любовь к нему греховна? Мне никогда не приходила мысль стать его женой. Господи, что мне делать?..»

Все, что было пережито до сих пор, казалось Еве мелочным по сравнению с тем, что она услышала. Ее душа всегда отвращалась от всего нечистого и теперь содрогалась от этого грязного подозрения.

«Ах, почему я не погибла в море, когда горел пароход? — думала Ева, вытирая слезы.— Почему мамочка не взяла меня с собой, когда уходила от нас?»

Как ей хотелось в эту минуту прижаться к фрау Хонек и

выплакаться! Да, она действительно заменила ей мать, но именно поэтому Ева не могла рассказывать ей о своем горе. Чувство одиночества, как никогда раньше, наполнило ее душу.

Когда фрау Хонек возвратилась домой, Ева сидела на кухне смертельно бледная.

— Дитя мое, ты плакала? — с любовью спросила она и обняла ее.— Что случилось? Осколки? Ах, ты разбила блюдо? Не плачь, мы купим другое. Есть потери намного серьезней... Слушай, что я тебе расскажу: фрау Финкер разоблачили. Оказывается, она аферистка и ее уже давно ищут! Под чужим именем она подолгу жила в первоклассных гостиницах на разных курортах, а потом внезапно исчезала, не уплатив счет. Видно, наш дом показался ей хорошим укрытием. Конечно, фрау Финкер знала, что ее ищут. Подумай только, полиция может прийти в наш дом! Как это все неприятно! Естественно, нам она тоже не заплатит...

Фрау Хонек так захватила эта новость, что она не заметила состояния Евы. А та, не в силах уловить смысл рассказа, тихая и бледная, сидела у стола, желая одного — пойти в свою комнату и выплакаться в молитве. Но ее комната была еще занята. У Евы в тот момент не было места, где она могла бы побыть одна.

Когда Фридрих пришел домой, он нашел на столе записку от Лили: *«Я пошла с фрау Финкер в прибрежную гостиницу. Не жди меня»*.

И все же в тот вечер Лиля пришла довольно рано. Она была взволнована и дрожала всем телом. Фрау Финкер арестовали.

* * *

В скором поезде «Кольберг — Берлин» среди пассажиров ехала молоденькая девушка с тремя неугомонными детьми. Сначала они смотрели в окно и слушали, что рассказывала им девушка, но потом им это наскучило. Соседка, сидевшая напротив, дала им конфет, но они только на короткое время отвлекли внимание детей. Тогда девушка достала тетрадь и, положив на столик, сказала семилетнему мальчику:

— Андрюша, порисуй немного!

Девочке постарше она дала книгу, а самого маленького, трехлетнего мальчика, посадила к себе на колени и стала что-то тихо рассказывать ему на ухо.

Пожилой господин, сидевший рядом с дамой, которая угостила детей конфетами, не выдержал:

— Нет, я бы так не смог! Такое терпение может иметь только мать!

— Тетя Аня нам не мама,— заметил Андрюша, услышав слова мужчины.

— Она наша воспитательница,— добавила сестренка.

А малыш закончил:

— Она добрая, как мама! — и обхватил ручонками ее шею.

Девушка не могла скрыть смущения.

— Тетя Аня, почему твои щеки стали такими красными? — спросил малыш.

— Потому что вы дали мне очень откровенную характеристику,— улыбнулась тетя Аня.

— Вы уже давно работаете с детьми? — поинтересовался пожилой господин.

— Да,— ответила Аня Гросманн,— со дня рождения вот этого мальчика Пети. Их мать болеет, поэтому кому-то нужно смотреть за детьми.

— Трудно с ними приходится, правда?

— Любая работа может быть легкой, если делать ее с любовью. Самое главное — знать, что ты на своем месте.

— Да-да, на своем месте,— повторил господин и многозначительно покивал головой.

К этому разговору внимательно прислушивалась сидевшая невдалеке Ева Зееборг. Она ехала к брату в Штаргард.

Ева сидела с закрытыми глазами. В ее памяти снова и снова всплывали события последних дней, прожитых в Кольберге. Ей казалось, что этот кошмар никогда не кончится.

После подслушанного разговора Ева всю ночь не могла уснуть и на следующее утро поняла, что ей нельзя больше здесь оставаться. Но как объяснить это маме? Ева не решалась заговорить об этом, потому что в доме было очень много работы и фрау Хонек никак нельзя было оставить одну. У Лили вооб-

ще ни к чему не лежали руки. Она с трудом переживала обман фрау Финкер, о которой была высокого мнения и которой доверила столько сокровенного. Лиля чувствовала себя несказанно оскорбленной. Свое разочарование она выражала в ужасных капризах, которые Фридрих и фрау Хонек должны были терпеливо переносить.

Переживания Евы тоже были налицо. Она перестала улыбаться и была молчаливее обычного. Когда фрау Хонек попыталась узнать причину ее печали, Ева решилась открыть ей свои планы.

— Мама, я хочу поехать в Штаргард. Курт давно уже зовет меня. Ему нужна моя помощь... — Ева говорила тихо, запинаясь, будто совершала большую несправедливость.

Фрау Хонек слушала с чрезвычайным удивлением.

— Ева, ты хочешь уехать? Так неожиданно? Думаю, это не без причины. Ты обычно не принимаешь поспешных решений. Скажи мне, что случилось?

Ева стояла перед матерью с опущенной головой, боясь потерять самообладание.

«Ах, если бы она не спрашивала! Я же все равно не скажу...» — думала она.

— Ева, ты хочешь оставить меня?

— Мама, Курт нуждается во мне.

— Это не причина.

— Мамочка!

Больше Ева ничего не могла сказать. Слезы покатились у нее по лицу... Фрау Хонек страдала от того, что Ева не могла довериться ей, как обычно.

Прошло несколько дней. Ева не изменила своего решения. Фридрих тоже пробовал говорить с ней:

— Сестренка, что случилось? Ты же не оставишь маму так просто одну. И вообще, я не представляю, как мы обойдемся без тебя!

Он не подозревал, какую боль причинял ей своими словами.

— Посмотрите-ка на нее! — недружелюбно воскликнула Лиля.— Столько лет о ней заботились, а теперь она уезжает!

Так вам и надо! Вы всегда смотрели на нее, как на святую, никто не имел права тронуть ее. По-моему, вы и сейчас готовы

запаковать ее в вату, как изящную статуэтку.

Фрау Хонек относилась к Еве с неизменной любовью и больше ничего не спрашивала, чувствуя, как она страдает.

«Неужели я должна остаться совсем одна?» — спрашивала себя фрау Хонек. Ева давно стала для нее дочерью. Они так привыкли друг к другу, что она уже не представляла себе жизни без нее. Неужели все кончилось? Единственный сын потерян, а теперь она должна отдать и дочь?

Фрау Хонек хотела молиться, но не находила слов. В жизни человека бывают моменты, когда сердце так заполнено заботами и горем, что не может открыться перед Богом. В таком случае напрасно искать слова — они не могут выразить боль сердца. И все же выход есть. Единственный выход. И фрау Хонек воспользовалась им. Она упала на колени перед Богом и беззвучно плакала, зная, что только Он один поймет ее состояние.

Ева поехала к брату. Мысль, что ее решение не понято или понято превратно, сильно угнетала ее. Она видела, что фрау Хонек стояла на перроне с полными слез глазами, одинокая и бледная. У Евы сжималось сердце, когда она думала об этом. Фридрих попрощался с ней перед работой.

— Желаю тебе, Ева, всего доброго, но, знаешь, я не понимаю тебя... — Увидев в ее глазах сердечную боль и не подозревая истинной причины, он примиряюще сказал: — Думаю, что ты не чувствовала себя здесь лишней...

Лиля попрощалась очень холодно. Она не скрывала, что отъезд Евы не волнует ее.

И вот Ева в поезде. Что сказала сейчас эта девушка? — «Прежде всего нужно знать, что ты на своем месте». Где ее место? Конечно, Курт рад, что она едет к нему, но он, наверное, не стал бы несчастным, если бы она осталась у фрау Хонек. Курт и Лиза давно считают дом в Кольберге родиной Евы. И разве это не так?

Беззаботный разговор детей задел Еву за живое. «Она добрая, как мама!» Разве фрау Хонек не стала для нее матерью в прямом смысле слова? Не рядом ли с ней ее место? Особенно сейчас, когда она постарела и стала одинокой? Может, нужно было все-таки перебороть себя и остаться в Кольберге?

Нет, нет, это просто невозможно! Ева не может дышать воздухом того дома, где ее подозревают в таких низких чувствах. Что-то сильно тянуло ее домой, но она не могла вернуться.

И вдруг Ева почувствовала, что внутри поднимается доселе незнакомая ей горечь — глубокая неприязнь к женщине, которая разрушила их семью, хладнокровно пытаясь запятнать ее честь.

Пожилой господин ушел в вагон-ресторан, надеясь скоротать время за чашкой кофе. В вагоне было тихо. Трехлетний Петя изучающе посмотрел на девушку в соседнем купе и начал что-то шептать на ухо тете Ане, а потом вполголоса сказал:

— Посмотри, она плачет!

И прежде чем тетя Аня смогла остановить его, он соскользнул с колен и подошел к Еве.

— Тетя, почему ты такая печальная? — Он внимательно посмотрел ей в глаза.— У тебя кто-то умер?

Ева взглянула на доверчивого малыша, смущенно вытерла слезы и покачала головой.

— Никто не умер? — переспросил он.— Конечно нет, ты же не в черном платье. Но почему ты плачешь? Может, ты что-то потеряла?

— Да, мой маленький,— ответила Ева и погладила его по темной кудрявой головке.— Я что-то потеряла.

— Как жалко! — воскликнул мальчик.

Тетя Аня, попавшая из-за любопытства своего подопечного в большое смущение, напрасно звала и увещала его. Ребенок будто не слышал.

— Я один раз тоже потерял желтую лопатку, когда мы с тетей Аней были на море,— доверчиво продолжал он.— Я долго ее искал. А когда не можешь найти, тогда надо молиться, и Иисус покажет, где искать. Мама говорит, что молитва всегда помогает. Правда, тетя Аня, молитва всегда помогает?!

Воспитательница кивнула, и девушки посмотрели друг на друга. Ева прижала к себе Петю. Конечно, он не мог знать, каким светом озарило ее душу от его слов. Она на самом деле была в большой опасности потерять самое важное — упование и надежду на Бога. И ребенок помог ей увидеть выход. Как удивительно действует Господь!

— Да, мой маленький друг,— слегка улыбнулась Ева,— я знаю это. Молитва помогает в любом случае.

Девушки познакомились. Они много не говорили, но сердцем почувствовали, что их сродняет Кровь Христа. Аня Гросманн не расспрашивала Еву о постигшем горе, но очень хотела утешить. Она вынула из сумочки Библию, полистала ее и подала Еве.

— Прочитай, пожалуйста, вот этот стих,— показала она пальцем.

— «Притом знаем, что любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу»,— прочитала Ева.— Да, это великое утешение для меня. Спасибо!

В Штаргарде Ева вышла из вагона с улыбкой и, приветствуя Курта, сказала:

— Ну вот, приехала управительница твоего дома.

Но от зоркого взгляда брата трудно было что-то скрыть.

— Ева, у тебя нездоровый вид. Ты больна?

— Это пройдет,— ответила Ева.— Дай мне какую-нибудь работу, и я сразу выздоровею!

* * *

Курт был безмерно рад приезду сестры и благодарен ей за заботу.

— Как это плохо, когда молодой человек живет один! — часто говорил он.

— Да-да, я приехала как раз вовремя,— отвечала в таких случаях Ева.— Я никогда, наверное, не забуду, как первый раз хотела приготовить тебе ужин. Ты сказал, что в шкафу на кухне есть все, что нужно. Я чуть не перевернула шкаф в поисках чего-нибудь съедобного, но мне так ничего и не попалось, кроме засохшей хлебной корки и кулька с птичьим кормом. Так живет человек, который дает людям советы, как правильно питаться.

— Ты смотри, не скомпроментируй меня перед пациентами! — шутя, пригрозил Курт.

С приездом Евы квартира Курта преобразилась. На окнах

появились цветы, ожила канарейка и теперь весело распевала в клетке, особенно когда брат с сестрой занимались музыкой. Курт жалел, что не вызвал сестру раньше. Теперь у него не было проблем ни со стиркой, ни с ремонтом одежды, ни с приготовлением пищи.

— Да, в этом я по-настоящему нуждался,— не раз говорил он.— Когда у меня в носках вдруг появлялась большая дырка, я не знал что делать. Завязав дырку крепкой ниткой, я скоро обнаруживал, что разорвалась пятка, потому что носок становился слишком коротким.

— Ах, как вы сообразительны, господин доктор! — от души смеялась Ева над братом.

Пациенты Курта тоже полюбили Еву. Когда в приемную приводили боязливого ребенка, она так ласково разговаривала с ним, что он быстро успокаивался. Если Курту нужно было сделать сложную перевязку, он всегда звал Еву. Она с такой нежностью и любовью держала голову или руку больного, что тот терпеливо переносил боль.

Постепенно имя Курта Зееборга стало известным в городе. К нему приходило много бедных. Они знали, что он поймет их, так как сам зарабатывал деньги на учебу и жил в нужде. Были у Курта и богатые пациенты. Они ценили его как хорошего специалиста.

Ева была счастлива в служении людям. Она усердно помогала Курту не только по дому, но ходила с ним по вызову к больным и старалась утешать несчастных.

И все же в водовороте дел Еве все чаще казалось, что она слышит звуки колокола из Кольберга. Она знала, что это позывные ее родины, это спешат к ней мысли матери. Тогда ее наполняла невыразимая тоска и душа трепетала.

Курт подозревал, что Ева приехала к нему не просто так. На это должна быть особая причина. Но он не стал расспрашивать, подумав: «Сама расскажет, если захочет».

И только один раз в разговоре Курт спросил:

— Фридрих счастлив в семейной жизни?

Ева помолчала немного, а потом ответила:

— Как сказать? Вопрос о счастье всегда тяжелый. Просто невозможно точно ответить на него. Что один считает счастьем,

то другой видит как несчастье. У нас такие разные склонности и понятия!

Курт понял, что Ева умышленно обходит этот вопрос, и не стал допытываться. Он думал о своей судьбе.

* * *

Фрау Хонек, как обычно, рассказывала Вернеру историю из Библии. Мальчик сидел у нее на коленях и слушал, не отрывая от нее глаз. Когда она кончила, он громко вздохнул:

— Еще один рассказик, бабушка, ладно? О Младенце Иисусе!

Фрау Хонек только начала рассказывать, как с верхнего этажа послышался голос Лили:

— Вернер, ты где? Иди сюда!

— Внучек, мама зовет тебя, беги скорее к ней! — подтолкнула его бабушка.

Мальчик недовольно поморщился.

— Не пойду! Сначала расскажи мне рассказ!

— Нет, мой мальчик, ты должен слушаться! Я расскажу тебе эту историю завтра. Беги, мама, наверное, приготовила тебе вкусный супчик.

— Вернер! — прозвучало снова, уже с нетерпением.

— Слышишь, внучек, мама зовет тебя! Будь послушным и беги быстрей наверх!

— Ба-буш-ка,— захныкал Вернер,— расскажи!

Послышались энергичные шаги по лестнице. Дверь распахнулась, и в комнату вбежала рассерженная Лиля.

— Вернер, ты почему не слушаешься? — крикнула она.— Разве не слышно, что я зову? Я не понимаю тебя! — повернулась она к свекрови.— Почему ты сразу не отправляешь ребенка наверх? Вернер, давай быстрее!

Но мальчик вцепился в платье фрау Хонек:

— Мама, оставь меня, бабушка расскажет еще один рассказик!

— Нет, сейчас же пойдем со мной! — Лиля дернула его за руку.— Кого ты, собственно, должен слушаться?

Но Вернер отмахивался руками и ногами. Бабушка пыта-

лась уговорить его и хотела поставить на пол, но он крепко уцепился за нее и продолжал упрашивать:

— Бабушка, сперва расскажи! Ну, пожалуйста!

Лиля попробовала силой стянуть его, но Вернер отбивался и кричал:

— Злая мама, злая мама!

Лиля была вне себя.

— Ах, ты бьешь меня?! — возмутилась она.— За это ты будешь наказан и больше не пойдешь вниз! Противный, невоспитанный ребенок! — И она в сильном гневе начала бить сына.

Фрау Хонек пыталась остановить ее.

— Лиля, не надо, не надо. Пусть он вначале успокоится и тогда сам увидит, что был непослушен. Не надо, Лиля, нельзя в таком состоянии наказывать ребенка. Пожалуйста, успокойся.

— Это мое дело! — сердито бросила Лиля.— Я сама с ним разберусь.

Она схватила плачущего Вернера и потащила наверх.

— Бабушка, бабушка! — жалобно причитал малыш.

Фрау Хонек слышала, как неистово кричала Лиля, наказывая Вернера. Ей хотелось побежать следом и заступиться, но она знала, что от этого будет еще хуже. С болью в сердце она стояла у окна и всматривалась в сумерки. Акация как бы в отчаянии устремила свои голые ветви в небо. Не было видно ни одного человека. Холодная улица никого не привлекала. Люди прятались в теплых домах. Казалось, кругом все вымерло. Пришла зима.

Фрау Хонек почувствовала легкий озноб, несмотря на то, что в комнате было хорошо натоплено. Иногда бывает озноб, не зависимый от температуры. Через четыре недели — Рождество. Как хорошо было раньше в эти дни! Фридрих с Евой играли рождественские мелодии, вместе пели и молились. Сколько было радости и утешения! Сейчас в доме тоже стояла украшенная для ребенка елка, но не хватало радости и мира.

Фрау Хонек уткнулась лбом в холодное стекло. Все темней и темней становилось на улице.

Она подошла к столу, зажгла свечку, но от нее повеяло какой-то печалью, и фрау Хонек тут же задула ее. Она сидела одна в темной комнате и так нуждалась в утешении! Ах, если

бы Ева была рядом! Никто и не подозревал, как ей недоставало этой молчаливой девушки.

Почему же она уехала? Не иначе, на это есть серьезная причина. Фрау Хонек не могла поверить, что Ева оставила их из-за эгоизма или корыстной цели. Может, в этом виновата Лиля? Ах, Лиля! Неужели так будет всегда? Фрау Хонек чувствовала, что силы ее на исходе. Казалось, сердце невестки вообще невозможно победить.

Мысли фрау Хонек переключились на внука, и на глазах у нее появились слезы. Вернер стал совершенно неуправляемым. Лиля страшно баловала его и в то же время сразу теряла терпение, если он по какой-то причине упрямился. Тогда она в гневе наказывала его. Вернер, конечно, чувствовал разницу в отношениях матери и бабушки, и его больше тянуло к последней. Это злило Лилю. В своей фанатичной ревности она утверждала, что свекровь настраивает ребенка против нее.

Снова и снова фрау Хонек старалась повлиять на невестку добром. Сколько раз она с любовью обнимала ее и говорила:

— Лиля, давай жить в мире. Давай доверять друг другу и жить дружно. Ведь мы все страдаем от вражды и так несчастны...

После такого разговора несколько дней вроде было спокойно, но потом снова возвращалось старое. Неужели всегда так будет? Еще никогда в жизни фрау Хонек не была так несчастна. Бремя разлада в семье тяжелым грузом лежало на сердце. Не только духовно, но и физически она чувствовала себя очень плохо. Как она нуждалась в человеке, на которого могла бы опереться! Но его, к сожалению, не было.

Фрау Хонек представила себе глаза Вернера, полные слез. Как же она забыла — ведь она сегодня не молилась с ним! Он, наверное, лежит в кроватке и ждет ее, но не решается позвать. Внутри поднялась какая-то горечь, но фрау Хонек переборола себя и пошла наверх.

Лиля готовила ужин на кухне.

— Я зайду к Вернеру, помолюсь с ним.

Лиля промолчала.

Вернер, всхлипывая, лежал в кроватке.

— Бабушка! — прошептал он и протянул к ней руки.

Фрау Хонек нагнулась над ребенком и, успокаивая, нежно погладила его по головке.

— Ты был непослушным, Вернер. Теперь мама очень печальна. Тебе нужно попросить у нее прощения.

— Я хочу быть хорошим,— всхлипывал мальчик.

Слегка дрожащим голосом фрау Хонек запела:

Я устал, иду к покою,
Боже, очи мне закрой;
И с любовью будь со мною,
Будь хранитель верный мой!

Вернер продолжил:

И сегодня, без сомненья,
Я виновен пред Тобой;
Дай мне всех грехов прощенье,
Телу — сон, душе — покой.

Фрау Хонек поцеловала внука и вышла.

— Лиля, зайди к малышу,— заглянула она на кухню,— он хочет тебе что-то сказать.

— Пусть подождет, пока у меня будет время!

Фрау Хонек печально вздохнула и пошла вниз, в свою комнату. Не зажигая света, она склонилась на колени:

— Господи, Боже мой! Если Ты скоро не поможешь, то я не выдержу: это уже сверх моих сил. Помоги, дорогой Господь!

Фридрих не успел снять пальто, как Лиля снова осыпала его жалобами и претензиями.

— Твоя мать балует Вернера и настраивает против меня! Я уже не могу справиться с ним. Сегодня она спокойно смотрела, как Вернер бил меня и не хотел идти спать...

Лиля жаловалась так долго, что Фридрих не выдержал.

— Да перестанешь ты, наконец? — крикнул он.— Неужели нельзя хотя бы день прожить без жалоб и ссор, без скандалов и слез? Как мне это все надоело! — Фридрих так хлопнул дверью, что задрожал дом.

Вернер испуганно вскочил и заплакал:

— Мама, папа!

Слыша это, фрау Хонек в бессилье упала на колени.

В доме погас свет радости.

Фридрих не видел больше никакого выхода. Никогда он не думал, что может стать таким несчастным. Жизнь теперь казалась ему бессмысленной...

Терзаемый внутренними мучениями, он бежал вдоль моря. Клочки облаков, гонимые ветром, то и дело закрывали луну. Наконец Фридрих, несмотря на холод, бросился на землю. В отчаянии он набрал в пригоршню песка и стал смотреть, как он сыплется между пальцами на землю. Точно так неудержимо прошла и его жизнь, и уже ничего не вернешь назад. Теперь он всегда должен носить в себе это ужасное горе и сознание — ты этого хотел, ты сам виноват в своем несчастье.

«Фридрих, чего ты еще ждешь?.. — зазвучал в ушах вкрадчивый голос.— Никто не видит тебя. Бросься с обрыва в море! Положи конец своему горю! Ты освободишь Лилю и погрузишься в море забвения!»

Забвение? Действительно ли за этим последует забвение? Разве это конец? А вечность? А Вернер? А мать? О Боже!

Фридрих подскочил и в панике снова бросился бежать. Вдруг он остановился. Ужас охватил его, когда он увидел, что оказался на том самом месте, где несколько дней назад отец Рольфа совершил самоубийство. Здесь было жутко, и Фридрих побежал дальше. Но мысли, неотступные и мучительные, преследовали его повсюду.

А Рольф — его друг детства? Последнее, что он слышал о нем, это то, что два года назад его приговорили к тюремному заключению за растрату. Перед этим он женился, и теперь его несчастная жена живет у его матери со слабоумным ребенком. Но какое ему дело до Рольфа? Он уже давно отказался от этого человека, которого в детстве (какое это было счастливое время!) по своей наивности назвал братом.

Но при чем тут Рольф? Фридрих, неужели ты забыл проповеди старого пастора и профессора фон Тавеля, а также свои пылкие обещания служить Богу? Ты отдал Ему свое сердце, но не сохранил верности. Ты осуждал Рольфа за его безобразное поведение и считал себя гораздо выше его. Но не тяжелее ли твоя вина теперь? Твоя жена плачет у кроватки сына, как и жена Рольфа. Разница только в том, что у него нет такой матери, которая всю жизнь молилась бы о нем...

Фридриху казалось, что он потеряет рассудок. Неужели он никогда не найдет покоя? Под его ногами с треском раскрошилась большая ракушка. Такой разбитой показалась ему и собственная жизнь.

Поздно ночью Фридрих пришел домой. В комнате матери горел свет, но он не зашел к ней.

* * *

За несколько дней до Рождества фрау Хонек получила письмо от Евы. Она писала регулярно, и ее письма дышали любовью и заботой. Фрау Хонек не могла читать их без слез.

«Штаргард, 14. 12. 33.

Моя любимая мамочка!

Неужели правда, что через десять дней Рождество? Мне почти не верится. Я вспоминаю прежние годы: сколько счастья мы испытывали в рождественские дни! В этот год все будет по-другому.

Курт очень счастлив, что я рядом с ним, и каждый день восхищается этим. Чтобы не омрачать его счастья, мне приходится скрывать свою печаль, и это тоже нелегко. Тоскую по тебе и нашему уютному дому.

Мамочка, в моей жизни произошло еще одно событие, о котором хочу написать подробно. Ты же знаешь, что, кроме Курта, у меня здесь нет близких друзей, и я часто мечтала о хорошем человеке, с которым можно было бы пообщаться. Думаю, ты понимаешь меня, мама!

На днях Курт попросил меня отнести рецепт в дом директора Бротмюллера. И представляешь, там я встретила Аню Гросманн! Оказывается, заболел Петя — малыш, который так утешил меня в поезде.

Мамочка, ты не представляешь, как мы с Аней были рады видеть друг друга! Аня познакомила меня с хозяевами, а потом показала свою комнатку. У нее так много книг! Ах, мама, как я рада! Теперь у меня есть подруга. Мы с ней хорошо понимаем друг друга. Когда я возвращалась домой, мне вспомнился стих: «Прежде нежели они воззовут,— Я отвечу». Да, любящий Господь видел мою печаль и подарил мне такую подругу! Мне так

стыдно бывает оттого, что еще так мало доверяю Господу...

Ой, я даже не спросила, как ты поживаешь? Мне так не хватает тебя! Как твое здоровье? Отдаешь ли ты белье прачке или мучаешься сама? Я переживаю, что ты совсем не бережешь себя.

Милая мамочка, я чувствую, что ты очень одинока. Что делает наш Вернер? Вспоминает ли он иногда тетю Еву?

Мамочка, обнимаю тебя и целую. Передавай всем сердечный привет.

С сердечной тоской и любовью, твоя Ева.

P. S. Курт передает всем привет».

Наступило Рождество! После обеда начался снегопад. Сотни, тысячи, миллионы снежинок нежными кристальными звездочками сыпались на землю. Чудесный, неповторимый хоровод! Вскоре весь город оделся в белоснежный наряд. Каждый кустик и дерево, дома и дороги — все было чистым и светлым.

Стемнело. В окнах зажглись рождественские свечи, в некоторых домах можно было услышать торжественное пение старых, но все же вечно новых рождественских гимнов.

В домике на Фонтанной тоже стояла елка, но и в этот день здесь не обошлось без ссоры. Фридрих хотел украсить ветки свечами и белыми шарами, а Лиля настаивала на том, чтобы елка была с разноцветными шарами и разными игрушками.

— У тебя вообще нет никакого вкуса,— с насмешкой сказала она.— Ты думаешь, мальчику понравятся эти скучные белые шары? У вас все должно быть торжественно, но я украшаю елку для ребенка! Вообще не понимаю ваши устаревшие вкусы! Сегодня ни один нормальный человек не повесит на елку свечи. Для чего тогда электрический свет?

— Да-да,— с горечью ответил Фридрих,— ты готова все модернизировать.

Отношения между ними обострялись. Постоянные разногласия привели к тому, что они разговаривали друг с другом только на повышенных тонах.

Вернер стоял перед своим маленьким столиком, уставленным подарками.

— Внучек, ты рад подаркам? — спросила бабушка.

Вернер молча кивнул и прислонился к ней. Фрау Хонек с

тревогой обняла ребенка, и сердце ее затрепетало. Что с ним случилось? Энергичный и жизнерадостный, он был неестественно спокоен и тих.

Фридрих с Лилей рассматривали свои подарки из Лейпцига, Данцига и Штаргарда. Фрау Хонек тоже постаралась обрадовать обоих. Но сами подарки не создают настоящего праздника. Фрау Хонек предложила вместе спеть рождественский гимн. Фридрих сел за пианино. Он хотел исполнить просьбу матери, хотя внутренность его не пела, как это было раньше. Глубокое значение Рождества при его настоящем внутреннем состоянии не было больше источником чистой радости. Напротив, оно строго обвиняло его.

С песней ничего не получалось. У Лили вдруг разболелась голова, ей было не до пения. Тогда фрау Хонек подала сыну Библию и попросила:

— Прочитай нам о рождении Спасителя.

Фридрих покраснел.

— Нет, мама, прочитай ты.

Глаза фрау Хонек наполнились слезами.

— «В той стране были на поле пастухи, которые содержали ночную стражу у стада своего...» — дрожащим голосом читала она.

Фрау Хонек чувствовала, что эта весть не достигает сердца ее детей, но все же дочитала до конца. У нее еще никогда не было так невыносимо тяжело на душе. Лиля несколько раз громко зевнула, считая такое празднование ужасно скучным.

«Совсем по-другому было у нас дома,— вспоминала она.— Богато украшенная елка с электрическими гирляндами, веселье, обильные угощения, шампанское, а потом танцы до самого утра. А новогодняя ночь! — Дом, полный знаменитых гостей, шутки, смех, звон бокалов, разные игры, гадание на картах... Вот там было весело, а здесь? Как и в прошлом году — все скучно и однообразно: несколько обывателей придут на праздничный ужин и свекровь будет стараться придать всему благочестивый вид. Нет, я больше не могу терпеть эту устаревшую сентиментальность. Хочу жить в свое удовольствие и не дам запереть себя, как пойманного зверька! Как я вообще попала сюда? В Лейпциге у меня были совсем другие шансы...»

Неудивительно, что после таких мыслей Лиля опять впала в безграничное недовольство и чувствовала себя совершенно несчастной и забытой. У нее испортилось настроение, что опять тяжелым грузом легло на домашних.

Фридрих взял Вернера на руки и невольно вспомнил детство. Тогда рождественские вечера были намного проще, но насколько радостнее! Сейчас же, несмотря на блеск украшений и подарки, он ощущал пустоту. А от мысли, что его сын не почувствовал настоящей рождественской радости, ему стало еще тяжелее. Вернер заплакал.

— Сыночек, что с тобой? — сочувственно спросил Фридрих.

— Иди к маме, крошка,— подскочила Лиля.— Пойдем, я дам тебе что-то вкусненькое. Смотри, вот поросенок из марципана.

Но Вернер обхватил шею отца и не переставал плакать. Фрау Хонек с тревогой подошла к ним.

— Мне кажется, он заболел.

— Не придумывайте! Просто он капризничает. Иди сюда, сынок, расскажи нам стишок, какой ты выучил!

Вернер не хотел, а Лиля добивалась своего. Поняв, что уговоры не помогают, она начала требовать.

— Не мучай его, если он не хочет,— пытался успокоить ее Фридрих.— Может, ребенок на самом деле плохо чувствует себя.

Фрау Хонек внимательно изучала лицо внука.

— Вернер заболел,— наконец решительно сказала она.

Когда у Лили было плохое настроение, она вообще не переносила никаких возражений.

— Он просто упрямится,— утверждала она и силой поставила упирающегося ребенка на пол.— Я хочу, чтобы ты рассказал стишок, понял?

Вернер, плача, протянул руки к бабушке.

— Бабушка, не надо, не надо рассказывать!

— Вот видишь,— рассердилась Лиля,— мне вообще ничего нельзя говорить. Ребенка настраивают против собственной матери! И это называется Рождеством?!

Глубоко обиженная, она ушла на кухню.

Почувствовав, что у Вернера высокая температура, фрау Хонек отнесла его в кровать.

Фридрих задул свечи, зашел в свою комнату и взял газету,

но читать он не мог. Почему у него в жизни все идет кувырком? Правда, на работе он хорошо продвинулся. Он уже давно был правой рукой шефа. Но доволен ли он этим? Не должен ли он честно признаться, что не достиг того, к чему стремился? Там, где он думал построить счастье, царило недовольство и разлад. И когда он представлял себе, что так будет всегда, его охватывало отчаяние.

«Я разведусь с тобой!» — часто грозилась Лиля после очередной стычки. У него тоже не раз появлялась такая мысль. Не лучший ли это выход? Одно только удерживало его. Фридрих считал, что, если они расстанутся, он вообще потеряет уважение к самому себе. Разве он не сам выбирал жену? Да, он добился ее несмотря на предостережения матери, которая видела лучше и дальше. И теперь, когда ничего доброго не получилось,— разойтись? Нет, он должен нести добровольно избранное бремя. Он же сам хотел спасти свою жену и привести ее к Богу. Почему же ему это не удалось? Почему, вместо продвижения вперед, они все больше катятся вниз?

Где же твой ясный и проницательный ум, Фридрих? Разве ты не знаешь, что другого можно научить только тому, чему сам научился? Ты не сможешь достичь поставленной цели, если не начнешь дело так, как следует. Ты хотел привести жену к Богу, а сам выскользнул из Его рук. Разве ты не помнишь, как дал обещание Богу идти за Ним и служить Ему? Отвечай, Фридрих! Совесть обвиняет тебя! Ты не можешь быть гражданином неба, не исполняя его законы. Не противься тому, что знаешь. Твоя совесть не будет молчать, даже если ты снова побежишь на берег моря. Бесполезно! Это не принесет тебе успокоения. Спеши раскаяться перед Богом. Признай, что ты ушел от Него, оскорбил Его своей неверностью. Ты думал, что силен, но ты все же очень слаб.

Тревоги фрау Хонек оправдались. Вернер серьезно заболел. Жалобно плача, он метался по кроватке. Врач признал воспаление легких и сказал, что жизнь его в опасности. Ко всем переживаниям фрау Хонек добавилось еще беспокойство о ребенке.

Лиля совершенно растерялась. Ее охватил невыразимый страх. Она ни на минуту не отходила от Вернера и не могла переносить, когда кто-то начинал ухаживать за ним. Она с

трудом подавляла ревность, когда бабушка подходила к Вернеру по его просьбе. А когда фрау Хонек предложила на время заменить ее, она с раздражением ответила:

— Здесь мое место!

Лиля и не подозревала, что события следующих дней полностью сокрушат ее упрямство.

Как мучительно видеть борьбу слабого, беспомощного ребенка с тяжелой болезнью! Вернера лихорадило от высокой температуры, и он то метался по кроватке, то в бессилье неподвижно лежал и жалобно стонал. Казалось, его глаза умоляли: «Помогите же мне! Помогите!»

Фридрих постоянно думал о сыне и после работы, подгоняемый страхом, спешил домой. Лиля, заплаканная, обычно сидела у его кроватки. Страх за сына сделал ее немного мягче.

Врач не скрывал от родителей, что состояние ребенка очень плохое. Фрау Хонек ходила по дому с тяжелым сердцем.

«О Боже, неужели Ты допустишь смерть? Не достаточно ли Ты уже бил нас?» — вздыхала она.

И невольно вспомнилось ей, как много лет назад, в день похорон мужа, Фридрих спросил: «Мама, почему Бог допускает это?» Тогда она ответила ему, что Бог не ошибается и многое мы поймем только в вечности. Теперь она поймала себя на том, что мучится тем же вопросом. Хочет ли Бог забрать у них ребенка — единственную радость дома? Конечно, она часто просила Его каким-то образом изменить напряженную атмосферу в семье. Но неужели это должно произойти именно так? Фрау Хонек закрыла лицо руками.

Мы, люди, часто хотим указать Богу, как действовать и как изменять обстоятельства, и забываем, что Он никогда не поступает по-человечески. Его пути и мысли выше наших желаний и планов.

В канун Нового года в доме на Фонтанной никто не думал о празднике. Фрау Хонек пришла от Вернера и упала в своей комнате на колени. Ей казалось, что она не перенесет этой потери. Она беззвучно молилась.

Лиля, потеряв всякое самообладание, горько рыдала возле кроватки. Фридрих, не отрывая глаз, смотрел на мертвенно-бледное лицо своего любимца.

Ангел смерти уже распростер свои крылья над мальчиком. Уже несколько часов он лежал без сознания. Но вдруг он открыл глаза и испуганно позвал:

— Мама! Мама!

Лиля наклонилась над ним с опухшими от слез глазами:

— Я здесь, мое солнышко!

— Расскажи о рождении Иисуса...

Лиля беспокойно посмотрела на Фридриха, а Вернер снова попросил:

— Мама, расскажи! — И пока мать думала, с чего начинать, он сказал: — Тогда спой. Мама, спой: «Я устал, иду к покою...»

— Я же не знаю эту песню! — отчаянно прошептала Лиля.— Фридрих, спой, ты должен знать!

Фридрих стоял у постели умирающего сына, судорожно вцепившись в спинку кроватки. Он должен петь, когда его ребенок умирает?! Конечно, он знал эту песню, в детстве мама каждый вечер пела ее ему. Но теперь?.. Нет, он не мог петь!

— Мама! — еле слышно прошептал Вернер, и в его глазах мелькнуло горькое разочарование.— Почему ты не рассказываешь об Иисусе, не поешь? Тогда молись, мама, молись! — И он сложил ручки.

— Боже! — начала Лиля дрожащим голосом и запнулась, не зная, что сказать дальше. Она же никогда не молилась!

И тут Лиля с ужасающей ясностью поняла, что у нее не было самого главного, что должна дать своему ребенку мать. Она задрожала от сознания своей нищеты и еле удержалась на ногах.

— Молитесь! — шептал умирающий.

Лиля чувствовала себя так, словно стояла перед пропастью. Она не могла исполнить последнюю просьбу сына...

Фридрих сложил руки. Губы его двигались, но он не произнес ни слова. Со стоном он опустился на стул и, обхватив голову руками, простонал:

— Боже мой, Боже мой, я не могу!

Вдруг Лиля распахнула дверь и закричала:

— Мама! Мама!

По дому пронесся отчаянный вопль. Это был крик о помощи. Фрау Хонек поспешила наверх. Лиля еще никогда не звала

ее так. Она стояла перед фрау Хонек, почерневшая от горя.

— Мама, Вернер хочет, чтобы мы молились, а мы... мы не можем...

— Бабушка,— чуть слышно сказал малыш,— молись, пой, я вижу огоньки, много-много огоньков!

— Может, он хочет видеть елку? — спросила Лиля.

Они перенесли кроватку в зал, и Фридрих с трепетом зажег для сына свечи. С рождественского вечера их никто не зажигал.

— Иисус... — шептал Вернер.— Пойте, молитесь!..

Где-то пробило двенадцать, послышалась музыка, крики. Зазвонили колокола. Год закончился.

А фрау Хонек держала на руках умирающего внука и пела его любимую песню. Голос ее дрожал, сердце кровоточило, душили слезы, но она все же допела до конца.

Фридрих обнял плачущую жену. По его лицу тоже бежали слезы. Они оба содрогались перед неумолимой властью смерти. Что значит жизненная борьба, заботы о проходящих вещах, неприязнь и вражда прошедших дней в сравнении с этой силой? Их сын умирал! Они оба чувствовали, что напрасно настаивать, противиться. Божья могучая рука простерлась над ними. Бог доверил им этого ребенка и теперь забирал его. Разве при рождении Вернера Лиля не сознавала, что это подарок Божий? Теперь же она почувствовала, что Бог обвиняет ее за неисполненный долг. Как это страшно!

Когда умолкли колокола, фрау Хонек положила внука в кроватку и закрыла ему глазки. Вернер умер.

— Мама, прости меня, прости! — зарыдала Лиля.— И помоги мне быть другой!

Фридрих тихо вышел. Закрывшись в своей комнате, он упал на колени и, обливаясь горячими слезами, стал молиться. Заблудший сын устремился к Отцу. Слишком беден наш язык, чтобы передать эту встречу и их разговор.

В это же время, при свете догорающих свечей, две женщины склонились перед Богом. Лиле казалось, что ее сердце разорвется от горя. Она лишилась самого дорогого и в то же время увидела свою вину в том, что противилась Богу и, может быть, стала причиной смерти любимого сына.

Это была не перемена настроения. Ее сердце на самом деле

обновилось. Пережитая встреча с Богом положила начало новой жизни.

Было простое траурное собрание. Родители Лили приезжали в Кольберг на похороны. Они постоянно твердили, что если бы здесь был знаменитый детский врач из Лейпцига, то мальчика, возможно, удалось бы спасти. Они вели себя так шумно, что после их отъезда все облегченно вздохнули.

В доме на Фонтанной опять стало тихо. Печально тихо. Здесь больше не раздавался веселый детский смех, не слышно было топота детских ног и простодушно-бесконечного «почему?».

Нельзя сказать, что с той незабываемой новогодней ночи все разом изменилось. Каждому предстояло по-настоящему бороться. Но именно смерть Вернера привела всех к сознанию, что по-прежнему жить нельзя.

Фридрих и Лиля почувствовали, что не смогут сами идти по новому пути. Они увидели огромную нужду в Боге, осознали свою греховность, и это пробудило в них желание исправить ошибки и жить новой жизнью.

На следующее же утро после похорон сына Фридрих позвал жену и мать в гостиную и сказал, что горько сожалеет о неправильно прожитых годах — он плохо исполнял свои обязанности и почти не беспокоился об их душах. Он засвидетельствовал, что Бог простил его, и теперь он хочет верно служить Ему. Затем Фридрих взял Библию и прочитал отрывок перед молитвой.

Фридрих, Лиля и фрау Хонек просили у Бога силы жить по-новому.

— Фридрих, прости меня! — со слезами попросила Лиля после молитвы.— Мне так хочется, чтобы все было по-другому.

— Милая, Бог должен был послать нам это горе, чтобы направить нас на истинный путь. Я тоже виноват перед тобой и прошу, прости меня. Никто из нас не может рассчитывать на собственные силы, но Бог видит наше желание и поможет. Пойдем за Ним с верой и упованием!

Фридрих подвел Лилю к матери.

Фрау Хонек понимала, что Бог вмешался в их жизнь и наступило время, которого она так долго ждала. Она не хотела ни одним словом затрагивать прошлое. Ей достаточно было того,

что между ними исчезла ужасная пропасть. Но у Лили была потребность поговорить о прошлом. Она хотела все привести в порядок.

— Мама, я всегда знала, что ты хочешь мне добра, но во мне было такое противление, что я просто не могла иначе, как злиться на тебя. Я часто сама страдала от этого! Ты правду говорила однажды, что есть духи зла, которые мучат человека и настраивают его на зло. Мама, мне становится страшно, когда я думаю об этом. Я не знаю, хватит ли у меня силы всегда поступать правильно?

— У тебя — нет,— с любовью ответила фрау Хонек,— но у нашего Господа есть на это сила, и Он поможет нам. Доверься Ему!

— И еще одно я хочу сказать, мама, хотя мне очень трудно говорить об этом. Я причинила Еве большое горе. Думаю, что только по этой причине она уехала от нас.— И Лиля рассказала об унизительном подозрении и своем разговоре с фрау Финкер.— Мама, у меня не было причины ревновать. Простит ли меня Ева? — Она горько заплакала.— Я знаю, как сильно Ева любит тебя. Этот дом стал для нее родиной, а я вытеснила ее отсюда умышленно, специально. Мама, как ты думаешь, сможет ли она простить мне?

Фрау Хонек молчала. Казалось, слишком много навалилось на нее. Справится ли она со всем этим грузом? И тут она поняла, что все это не без воли Божьей. Она взяла руки невестки в свои ладони и сказала:

— Да, Лиля, все будет хорошо. Ты хочешь привести в порядок прошлое, а Слово Божье говорит, что с искренним Бог поступает искренно. Насколько я знаю Еву, она охотно простит тебе.

— Я сейчас же напишу ей письмо! — сказала Лиля и пошла наверх.

Слезы капали на бумагу, когда она писала:

«Кольберг, 03. 01. 34.

Дорогая Ева!

Я думаю, что ты получила телеграмму о смерти нашего любимца. Мне все еще не верится, что его уже нет. Иногда хочется позвать его. Сердце так тоскует! Ах, если бы он сейчас был

с нами, я относилась бы к нему совсем по-другому! Он никогда не услышал бы от меня неприветливого слова... Я бы любила его и с терпением относилась к нему, но уже ничего не вернешь!

Смерть Вернера сокрушила мое сердце и мою гордость, упрямство и эгоизм. Это почти невообразимо, но мой ребенок должен был умереть, чтобы я пришла к Богу!

Мне нужно навести порядок в своей жизни, и я прошу тебя, прости меня. Думаю, что ты слышала мои бессердечные слова в тот вечер в беседке. Ева, можешь ли ты простить мне это? Я знаю, что причинила тебе много горя и несправедливости, и ты вправе отвернуться от меня. Но я не могу сделать ни одного шага по новому пути, пока не приведу в порядок прошлое. Я хочу жить свято и в конце пути встретиться с моим Господом и Вернером. Так боюсь сбиться с правильного пути и прошу, помоги и ты мне в этом!

Твоя печальная Лиля».

Ева заболела гриппом и потому не могла поехать на похороны Вернера. Получив письмо от Лили, она тут же ответила:

«Штаргард, 05. 01. 34.

Моя дорогая сестра!

Позволь мне так назвать тебя. Твое письмо обрадовало и утешило меня.

Бог провел вас через долину страданий. Я еще не могу поверить, что нет нашего солнышка. У меня болит сердце, когда думаю о том, что больше не увижу его. Единственное утешение в том, что он теперь у Господа, где вечно сияет солнце, где нет страданий и печали.

Да, Лиля, мы увидим его снова. Я твердо верю, что увижу там его и моих родителей. Ах, что значит эта жизненная борьба по сравнению с вечностью! Я от сердца прощаю тебе все и больше не хочу вспоминать старое. Я люблю тебя!

Твоя Ева».

Лиля почувствовала себя счастливой. Наконец-то у нее все было в порядке! Она написала своим родителям длинное письмо и рассказала, как примирилась с Богом и с домашними.

У постели умирающего ребенка Лиля поняла, что жить только ради проходящих удовольствий жизни — бессмысленно. Теперь ее цель — жить для Бога.

В Лейпциге это письмо восприняли как плод душевной боли.

— Бедный ребенок! — вздыхала фрау Шнайдер.— В том захолустье нет ничего, что могло бы отвлечь ее. Здесь она быстрее бы все забыла.

Мать приглашала Лилю в Лейпциг, убеждая, что только здесь она сможет поправиться и отдохнуть. Но Лиля предпочла остаться в Кольберге. Ее больше не тянуло в шумный родительский дом. Тишина действовала на нее благотворно. К тому же Лиля чувствовала, что еще слишком неопытна и слаба, чтобы противостоять искушениям в доме родителей. Она боялась их влияния. Лиля много времени проводила в общении с фрау Хонек. Ее сердце было открыто для добрых семян, которые фрау Хонек ненавязчиво сеяла из богатой сокровищницы своего сердца. Они часто ходили вдвоем на кладбище.

— Ах, мама, сколько ты перенесла в жизни! — не раз говорила Лиля, когда они стояли у могил.— И как мужественно!

Вечером Лиля с радостью рассказывала Фридриху о прогулках с матерью. Это радовало его. Он сразу вспоминал, сколько ценного передала ему мать во время таких прогулок.

Нередко Лиля ходила к морю и с Фридрихом. Глядя на пенящиеся волны, они восхищались великолепием творения. Однажды, когда они так стояли и смотрели в безграничную даль, Лиля робко спросила:

— Фридрих, ты помнишь, что читал сегодня утром?

— «Он опять умилосердится над нами, изгладит беззакония наши. Ты ввергнешь в пучину морскую все грехи наши».

— Как Бог милостив к нам! — прошептала она.— Здесь, на берегу моря, эти слова становятся понятнее. Фридрих, ты веришь, что Бог никогда больше не вспомнит мои грехи?

— Конечно! Писание говорит: «Все грехи наши»,— твердо сказал Фридрих.— Туда входят и твои, и мои грехи.

* * *

Из Кольберга в Штаргард приходили хорошие вести. В дом на Фонтанной вернулось счастье. Ева тоже радовалась переменам и восхищалась милосердием Божьим.

Фрау Хонек иногда намекала, что здоровье ее стало намного хуже, и это беспокоит ее, особенно когда она думает о наступающем лете, которое приносит с собой так много работы. Читая ее письма, Ева чувствовала себя виноватой и тяжелый вопрос: «Где мое место?» не давал ей покоя.

Своими тревогами она поделилась с подругой.

— Очень трудно дать тебе какой-то совет,— сказала Аня.— Я понимаю, что тебя тянет к матери, но брат ведь тоже нуждается в твоей помощи. Лучше всего проси Господа, чтобы Он научил тебя, как поступить.

Пошел второй год, как Ева жила в Штаргарде. Однажды она получила письмо из Кольберга. Узнав почерк Фридриха, она испугалась. Не случилось ли чего? Обычно он только передавал привет. Волнуясь, она вскрыла конверт.

«Кольберг, 05. 05. 34.

Ева, ты, наверное, сильно удивишься моему письму. Я почти не осмеливаюсь писать тебе об этом. Ты так живо описываешь свою деятельность в Штаргарде, что мы все понимаем: тебе там очень хорошо, ты довольна и для Курта незаменима. И все же ты, надеюсь, иногда вспоминаешь о нашем домике и его обитателях.

Ева, не можешь ли ты снова приехать к нам? Не пугайся этой просьбы. Было время, когда в нашем доме царила очень тяжелая, почти невыносимая атмосфера, но теперь все изменилось. Благодарение Богу!

Ева, мы очень нуждаемся в тебе. Мама уже сдает. Она не жалуется, но мне кажется, что она часто посылает тайные вздохи в Штаргард. Смерть Вернера так же сильно повлияла на нее, как и на нас.

У нас есть еще одна причина, о которой я пишу тебе с большой радостью. К осени Лиля ожидает ребенка. Можешь ли ты представить себе нашу радость?

Здоровье у Лили слабое, и я сильно переживаю за нее. Она никак не может оправиться после смерти Вернера. Ева, теперь ты понимаешь, почему мы нуждаемся в тебе? Конечно, я не знаю, что скажет Курт, но ты же, в конце концов, и моя сестренка, не правда ли?!

Маме с Лилей я ничего не сказал об этом письме. Хочу

вначале узнать твое мнение. Я не хочу обнадеживать их, пока ты не дашь свое согласие, чтобы они чересчур не разочаровались при твоем отказе (на который совсем не рассчитываю). Пожалуйста, побыстрее напиши ответ.

С сердечным приветом, твой брат Фридрих».

Письмо выпало из рук. Ева плакала.

Теперь она снова может возвратиться на родину. Ее звали, в ней нуждались! Но что скажет на это Курт? Правильно ли будет оставить его сейчас? Вот он и сам идет.

Радостный, как обычно, Курт вошел в комнату.

— Ну что, Ева, хорошие новости? Кто это пишет? Ты плакала? Что случилось?

Вместо ответа, Ева подала ему письмо.

— Да, приятная история,— немного разочарованно сказал Курт.

Ева испуганно подняла на него глаза.

— И что ты думаешь делать?

Она покраснела:

— Я бы охотно поехала. Но как будешь ты?

— Так, так,— нарочито серьезно ответил он,— значит, ты все же еще беспокоишься о своем брате?

— Ах, Курт!

— Ну что ж, сестренка, выход все равно есть. Мне просто придется пораньше жениться.

— Же-нить-ся? — Ева растерянно посмотрела на брата.— Ты что, шутишь?

— Никаких шуток. Я сегодня сделал предложение.

— Сегодня? Кому?

— Естественно, моей невесте.

— Курт, скажи мне, кто она? Я ее знаю?

— Конечно,— засмеялся он.

Ева немного подумала, и вдруг глаза ее засветились. Она бросилась на шею брату:

— Это Аня, моя Аня?

— Конечно, а кто же еще?

— Я так рада, Курт! Когда же будет помолвка и брак? Ведь ты и Аня — самые дорогие для меня люди!

— Отпусти, Ева, ты задушишь меня! Теперь, когда я нашел

свое счастье, дай мне немного пожить.— Курт освободился от объятий сестры и уже серьезно сказал: — Сегодня Аня дала ответ. Она готова стать моей женой. Вообще-то, мы хотели делать свадьбу осенью, но если ты поедешь в Кольберг, то можно и летом. В воскресенье будет помолвка, а в понедельник — ты можешь ехать. Думаю, твое место — в Кольберге, там, где тебя считают членом семьи.

— Курт! — Ева снова обняла брата.

— Ты сегодня точно не оставишь меня в живых! — рассмеялся он.

— Я должна сбегать к Ане! — воскликнула Ева и выскочила на улицу.

Так быстро она еще никогда не ходила. Аня увидела подругу издалека и вышла навстречу.

Счастливые девушки долго беседовали и благодарили Бога за огромную радость, подаренную им.

— Конечно, мне не хочется тебя сейчас отпускать,— сказала Аня.— Но я понимаю, что в тебе там нуждаются, да и для тебя вернуться домой — счастье. Думаю, что мы с Куртом будем проводить отпуск только у вас!

* * *

Фрау Хонек, Лиля и Фридрих мирно беседовали в уютном зале. Женщины вязали. Когда часы пробили семь, Фридрих поднялся.

— Мне нужно уйти по одному важному делу.

— Ах, Фридрих, я так радовалась, что мы спокойно посидим вместе! — вздохнула Лиля.— Ты надолго?

— Нет, через час буду дома. Как вы думаете, мы сможем потом выпить по чашке кофе?

— Конечно, только приходи скорей, мы все приготовим!

Лиля проводила мужа до калитки и возвратилась домой через сад.

— Мама, посмотри, какие красивые колокольчики! По-моему, это любимые цветы Евы.

— Да, Лиля, она их очень любит...

Мысли фрау Хонек полетели в Штаргард.

— Не знаю почему, но я сегодня так много думала о ней.

— Давно было письмо от нее? Не заболела ли она?

— У нее, наверное, много работы. Да, Лиля, я чувствую, что иногда уже не могу без нее. Силы мои убывают.

— Мама, ты думаешь, Ева действительно останется там из-за Курта? Может, она охотно вернулась бы назад, если бы... — Она замолчала.

— Если бы что? — спросила фрау Хонек.

Лиля опустила глаза.

— Мне иногда становится страшно от мысли, что она не может забыть тот отвратительный наговор.

— Даже не сомневайся! Ева не написала бы тебе такое теплое письмо, если бы не простила. Она искренняя. Да, нам надо приготовить чай.

— Сейчас я накрою на стол,— ответила Лиля, доставая белую скатерть.— Смотри, как празднично выглядят цветы!

Едва они закончили приготовления, как послышались шаги.

— Фридрих уже пришел,— сказала Лиля и пошла открывать дверь.— Он с кем-то разговаривает. Может, с ним гости?

— Вот и я! — зашел Фридрих.— А вот,— оглянулся он,— еще один желанный человек.

Женщины выжидающе посмотрели на дверь, и тут вошла Ева.

— Мамочка!

— Ева!

Ева упала на грудь матери. Как она соскучилась!

Фридрих от удовольствия потирал руки.

— Этот сюрприз мне прекрасно удался!

Лиля стояла в стороне и боролась со смешанным чувством радости и смущения. Казалось, фрау Хонек никогда больше не отпустит Еву. Внутри у Лили готово было подняться старое чувство оставленности, но тут Ева подошла к ней, обняла и поцеловала.

— Какая радость видеть тебя!

Лиля почувствовала искренность Евы, и глубокая, чистая радость наполнила ее сердце.

Еще больше радости было, когда Фридрих объяснил, что Ева приехала не в гости, а насовсем.

— Мои любимые цветы! — воскликнула Ева и спрятала сияющее лицо в букете колокольчиков.— Сегодня прямо-таки праздник, большой праздник!

Ева снова была дома и уже на следующий день ей казалось, что она никуда не уезжала.

Пришло лето, а с ним — и обилие работы. Фрау Хонек уже не могла управляться так, как раньше. Лиля тоже чувствовала себя плохо, ее одолевала болезненная усталость. Обессилевшая к концу дня, она лежала в саду и мерзла даже в жару.

— Я-то думала, что этим летом буду помогать тебе,— с сожалением говорила она Еве,— а теперь вот лежу...

— Потерпи немного,— утешала ее Ева,— когда тебе станет лучше, мы поработаем вместе. А сейчас я с удовольствием поухаживаю за тобой, ведь я чему только не научилась в доме врача!

Проходила неделя за неделей, а Лиле лучше не становилось. Фридрих вызвал опытного врача.

— Больше покоя,— предписал он.— Поберегите себя. Нам надо дождаться, пока родится ребенок.

Фрау Хонек с тревогой смотрела в худеющее лицо невестки. Неужели им предстоит новое испытание?

Лилю окружили заботой и любовью. Трогательно было видеть, как она выражала свою благодарность. Ева не верила своим глазам, видя в ней такую перемену. Неужели это была та самая Лиля, которая никогда не находила приветливого слова для других? Да, это сотворил Бог!

Когда листья на акации начали приобретать золотую окраску, Лиля подарила мужу девочку.

— Ребенок здоровый! — заверил врач, с тревогой глядя на мать.

Лиля лежала смертельно-бледная, но глаза ее сияли.

Она попросила подать ей ребенка. Лежа в белых подушках с дочерью на руках, она спросила:

— Фридрих, как мы назовем нашу девочку?

— Ты должна дать ей имя.

— Я хочу, чтобы ее звали Ева Мария. Ты не против, Ева? Еще мне хочется, чтобы она была похожа на тебя.

Ева покраснела.

— Может, лучше назвать ее Ева Лиля? — несмело предложила она.

— Да, так мы и сделаем! — просиял Фридрих.— Имя нашей дочери будет Ева Лиля!

Ева взяла девочку из рук матери, поцеловала и положила в кроватку.

— Маленькое солнышко, мы все будем любить тебя!

Взволнованная, она вышла из комнаты и поспешила к фрау Хонек, которая варила в это время бульон для Лили.

Когда Ева назвала имя внучки, глаза фрау Хонек засияли.

— Я очень рада! Пусть Бог благословит ребенка и Лилю.

Фридрих присел у постели жены.

— У тебя есть немного времени? — спросила она.— Я хочу с тобой поговорить.

— Ты выглядишь такой усталой. Отдохни лучше, а потом поговорим.

— Потом отдохну,— сказала Лиля, и глаза ее стали сосредоточенно-серьезными.— Я должна использовать возможность, пока еще могу.

Фридрих испуганно посмотрел в ее бледное лицо.

— Лиля, я прошу тебя, не волнуйся. О чем ты говоришь?

— Давай не будем терять время.— Глаза ее медленно наполнились слезами.— Ты сам знаешь, как мне хочется быть с вами именно сейчас, когда мы стали так хорошо понимать друг друга. Но я чувствую, что дни мои сочтены. Уже несколько недель мне гораздо хуже, чем предполагает врач. Я не хотела беспокоить тебя, поэтому не говорила об этом раньше. Фридрих, как часто я лежала рядом с тобой, когда ты спал, и не могла успокоиться при мысли, что именно теперь должна вас оставить!

— Лиля! — Фридрих увидел крупные капли пота, выступившие на лбу жены.— Лиля, прошу тебя, побереги себя!

— Нет, дай мне договорить до конца. Это было нелегко, но Господь помог мне победить. Если Он позовет меня, то я готова идти. Я буду с Вернером, а у тебя теперь есть дочь. Как я счастлива, что могла подарить ее тебе перед своим уходом! Внутри у меня все успокоилось. Об одном я жалею, что так поздно встала на правильный путь...

— Лиля,— Фридрих взял ее за руку,— это я виноват в том, что не смог помочь тебе раньше. Но теперь мы идем одним путем и вместе достигнем цели.

— Да,— прошептала Лиля,— я скоро достигну цели. Фридрих, меня еще одно беспокоит. Кто примет тебя и ребенка? Мама делает, что может, но она стареет и силы ее слабеют. Пожалуйста, не прерывай меня, у меня остается не так много времени. Я хочу сказать, что в длинные бессонные ночи поняла — никто не сможет стать такой хорошей матерью для нашего ребенка, как Ева. И когда ты будешь думать о том, чтобы заполнить кем-то мое место, то вспомни о моем желании...

Фридрих закрыл лицо руками и простонал:

— Лиля!..

Какая перемена произошла в его жене! Ему казалось, что он находится на святом месте. Лиля закрыла глаза и нежно погладила склоненную голову мужа. По ее щекам катились слезы. И все же в сердце царил такой чудный покой, которого она еще никогда в жизни не ощущала.

* * *

Прошло еще несколько недель. Наступила зима. Полетели первые снежинки. В доме на Фонтанной говорили только шепотом. Врач сказал, что Лиле осталось жить несколько часов. Ева взяла малышку в свою комнату. У нее сжималось сердце при мысли, что скоро этот ребенок останется без матери. Фридрих побежал на почту послать телеграмму в Лейпциг, родителям Лили.

Фрау Хонек сидела у постели невестки и держала ее горячую руку в своих ладонях. Было видно, что жизнь догорает. Отблеск неземного покоя и глубокого мира лежал на лице умирающей.

— Мама, я так рада, что ты сейчас со мной! Другие бы сильно страдали, а ты такая мужественная! Ты уже не с одним стояла у порога вечности, не один нашел в твоем доме истинный путь жизни.— Она остановилась, ей тяжело было говорить.— Мама, я думаю, что между нами все в порядке. И хотя ты

когда-то не хотела, чтобы Фридрих женился на мне, ты всегда относилась ко мне, как к дочери. Я все же принадлежу вам, правда?

Фрау Хонек с любовью наклонилась над ней:

— Ты принадлежишь нам, Лиля, и придет время, когда мы будем вместе в обителях нашего Небесного Отца. Здесь, на земле, мы все странники, и, хотя часто наш разум хочет доказать обратное, только Божий путь правильный. И для нас самое лучшее — идти Его путем. Тогда мы начинаем понимать, что все, допущенное любящим Богом, даже самое тяжелое страдание,— целительно. Ведь Бог никогда не ошибается.

— Бог никогда не ошибается,— подтвердила Лиля и затихла.

Казалось, ее дыхание стало более спокойным. Фрау Хонек боялась пошевелиться.

«Может, она еще немного поспит»,— подумала она.

Тихо вошел Фридрих. Нагнувшись над женой, он понял, что она уже умерла. Рыдая, он упал на колени. Фрау Хонек положила свою руку на голову сына и мягко сказала:

— Не печалься, Фридрих, ее последние слова были: «Бог никогда не ошибается!»